

ДМИТРИЙ
GOBLIN ПУЧКОВ

Тыну40k
Goblina

КАТЕГОРИЧЕСКИ
РЕКОМЕНДУЕТ

КЛИМ ЖУКОВ

ОПАСНЫЕ ЗЕМЛИ

18+

Клим Жуков
Опасные земли

© ООО Издательство «Питер», 2023
© Клим Жуков, 2023

Предисловие

Предисловие... В этом месте все, кто меня знает хоть сколько-нибудь близко, должны закричать:

– Ага, он опять за свое!

И правда, я ненавижу писать предисловия, в чем многократно публично признавался. В самом деле, зачем? Вот книжка – читайте. Там должно быть все написано, а если нет, предисловием ситуацию не спасти. Тем не менее раз за разом какие-то вводные слова вымучивать из головы приходится.

Не станет счастливым исключением и представленная работа. Вынужден объясниться.

Во-первых, «Опасные земли» я писал очень долго, почти как Джордж Мартин, который мучает нас ожиданием «Ветров зимы» с 2011 года. Бодрости такое непростительное затягивание релиза не добавляет никому: ни автору, ни читателю (вдруг кто прочитает сию нетленку?), ни самой книге. Стоит остановиться на пару месяцев, начинаешь банально забывать фактуру. А новая фактура сама собой появляется. И вот ты снова перед белым вордовским листом в полной задумчивости: а что, собственно, писать? Старенькие идеи позабылись, новые в наличии, но уже поссорились с прежними установками. Как их теперь помирить? Словом, коли вас настигнет муза и вы соберетесь писать – пишите быстро, по возможности не отрываясь.

У меня так не вышло.

Поэтому внутри себя книга является сшивкой разных, самых разных концепций, которые удалось поженить. Удачно или нет – судить вам.

Во-вторых, «Опасные земли», что для вашего неумелого рассказчика крайне нетипично, книга случайная. В том смысле, что автор не сидел за планами, таблицами персонажей с четким

планированием всех сюжетных ходов, композиции и прочей положенной лабуды. Обычно сижу. Только не в этот раз.

Первоначально идея казалась легкой, прикольной и даже слегка сумасшедшей. Дело в том, что я большой любитель фильмов Джорджо Ромеро про зомби. А еще я люблю рыцарей. Бинго!

Представляете классического зомби? Ну, убить можно только ударом в голову, нельзя давать кусаться, или вы тоже обратитесь.

И еще он очень тупой. А рыцаря представляете? Хорошего такого представителя правящего класса позднего Средневековья – в сияющих латах. Что, если в XV веке случится эпидемия зомби? Как занятно! Рыцарь-зомби в калёном толстом шлеме – да его завалить вообще почти невозможно! При этом он совершенно тупой и никогда не сможет открыть забрало, а значит – не сумеет кусаться! Более нелепого создания представить невозможно.

Придумав такое, ваш покорный слуга очень обрадовался и незамедлительно обмакнул перо, чтобы погнать вольную строку. Изначально мысль была о смешной книжке, совсем ни к чему не обязывающей и обязательно маленькой. Этакая пере-повесть – недороман. Листов на семь-восемь авторских, то есть страничек на 180–200.

Я тогда находился в паузе после эпопеи с написанием космооперы «Пилот мечты». «Пилот» выпил все мои соки, выжал досуха. Запланированный трехтомник обратился тетралогией. Обычная новеллизация компьютерной игры «Завтра война» (взял сценарий, развернул сюжет, приделал диалоги – всего делов) стала исполинскими Звездными войнами в одной далекой галактике. К тому же постоянно приходилось соотносить собственную писанину с мнением богатейшего фансообщества исходной серии «Завтра война» и самой компьютерной игры.

Словом, я вымотался до последнего края.

А писать что-то было надо.

Ведь я, как кузнец, не могу, не куя.

Кроме того, надо было что-то отнести в издательство и банально заработать денег. Экая унылая проза, да деваться некуда. А тут такая сытная идея! Настоящее спасение! Сделаю небольшую, легкую повесть, а уж после возьмусь за что-то большое и устрашающее с новыми творческими силами. Но не тут-то было!

В издательстве поглядели на первые главы и говорят:

– Послушай, мужик! Где попаданец? У тебя нет попаданца! А все это историческое занудство без попаданца никто даже не откроет (точно-точно, вон и отдел маркетинга кивает). Кроме того, что за названия и имена? Бургундия какая-то, пятнадцатый век, все эти Валуа, де Бурбоны, Шароле – контрреволюция сплошная! Народ у нас тупой (да-да, вот и отдел маркетинга кивает), где эта Бургундия, никто не знает, кому она вообще нужна? Пиши так, чтобы понятно было! Про Русь! И обязательно попаданца!

Вот же... Г-хм!

Сильнее предисловий я ненавижу попаданцев! Тем более что своим литературным дебютом «Солдат императора» я этот свой гештальт закрыл навсегда. Там, правда, был не попаданец, а форменный засланец, но согласимся, очень близко. В общем, пришлось что-то такое придумывать.

Прежде всего, пришлось срочно писать вторую часть, которая могла бы стать первой – про Русь, как заказывали. Ревущие 1260-е, Новгород, Раковорская война – все по красоте. Кроме того, в загашнике валялись незаконченные записки (просто записки) про некоего условного антиквара, который трудится на нелегкой ниве старины в питерских библиотеках, музея, пабах и подворотнях XXI века. Уж этот материал мне знаком не понаслышке! Итак, приключения разворачиваются в Средневековье, а в наше время совершенно отечественный антиквар ведет расследование по неким случайно попавшим в его руки артефактам. Все понятно, духоскрепно и даже патриотично. И отдел маркетинга, озабоченный поголовной тупостью читателей (где они таких нашли, интересно), не волнуется – есть много всем знакомых слов!

И тут – хлоп! – меня настигла первая профессиональная квалификация – научная, историческая. И я занялся масштабной съемкой просветительских роликов совместно с Д. Ю. Пучковым «Гоблином», а потом и самостоятельно. Лекции, подготовка контента, писанина, но уже не художественная, а вполне историческая сожрали меня полностью.

Ни сил, ни времени на «Опасные земли», которые принялись пылиться в столе и натурально протухать.

Иногда, измученный совестью, я возвращался к проекту. Потом снова уходил, и так далее. Прошли годы. Если я начинал книгу, будучи младше главного героя, то после заметил, что уже на пару лет старше. Но нет худа без добра.

Главное добро состояло в том, что мне вдруг стало мультинаплевать с орбитальной станции на мнение любого отдела маркетинга – я сам себе отдел. Такие широкие возможности предоставляет нам интернет. Кроме того, заброс поочередно нескольких глав в социальные сети наглядно показал, что читатель, против невнятных и непонятно чем обоснованных обвинений в тупости, совсем наоборот – умен и жаждет не попаданцев, а нормальных историй.

Поэтому я смог вернуться в Бургундию.

И вот победа – книга перед вами в слитном готовом виде. Внутри есть и антиквар, и рыцари, которые обязательно встретятся.

Кстати, сперва рабочим названием были никакие не «Опасные земли». Что это вообще? Какие земли, почему именно опасные? Изначально роман назывался просто: «Антиквар». И очень мне это наименование нравилось односложностью, емкостью и так далее. Звучно же!

Но тут меня огорошили товарищи, сообщившие, что коллега Александр Бушков, оказывается, уже выпустил цикл в точности с таким названием – «Антиквар».

«Вот же жук», – подумалось мне, но делать нечего.

Двух «Антикваров» литературная галактика, конечно же, не сдюжит. Да и форменный скандал может выйти. Так что я опять стал думать. Название – это очень и очень зыбкий феномен, не всегда осиливаю. Рандомный перебор букв сложился в итоге так: «Опасные земли герцогства Бургундского». Лишнее герцогство потом отпало, оставив одинокие, но куда более лаконичные «Опасные земли».

В самом деле, приключения, связанные с риском, сиречь – опасностью. Почему бы не быть «Опасным землям»? И они стали быть. Как часто бывает – от содержания до названия не совсем по воле автора, а иногда строго против его воли. Вот что значит затянуть релиз. Он запросто может начать жить собственной жизнью.

И начал.

Надеюсь, будет интересно.

Пересказывать краткое содержание предыдущих серий (точнее, последующих) не стану – увольте. Но на фактуре остановиться обязан. С художественной точки зрения она ни на что не влияет – ни одно содержание в ходе работы над книгой не пострадало! С точки зрения истории – очень даже. Отсюда пара уточнений и, как нынче модно говорить, дисклеймеров.

Главный герой средневековой части носит славное имя Филипп де Лален. Это реальный персонаж, младший брат прославленного турнирного бойца, настоящей суперзвезды и Федора Емельяненко пятнадцатого столетия Жака де Лалена. Последний вполне заслуженно отхватил славы. Про него писали и пишут (ученые, конечно) много и охотно. Брат же скрылся за исполинской фигурой старшенького, совершенно потерявшись в его лучах. Можно бы сосредоточиться на Жаке, но про него слишком многое известно доподлинно, да и несправедливо это – забывать совсем о младшем.

Тот погиб в битве при Монлери 16 июля 1465 года, о чем сообщает нам очевидец и участник, неподражаемый Филипп де Комин, сеньор де Монсекюр в своих «Мемуарах» – книге исключительной и даже революционной в своем роде.

Я к тому, что источниками владею и в курсе, что жизнь де Лалена младшего оборвалась. Но вдруг, вдруг... он не погиб, сгинув немного позже при крайне смутных обстоятельствах?

Это первое допущение.

Второе – возраст.

Волонтаристским авторским произволом я здорово омолодил Филиппа. К окончанию пути он подошел матерым тридцатипятилетним мужиком. Почти порог старости по тем суровым меркам. Царедворец, вельможа, испытанный в боях и турнирах, цвет бургундского рыцарства. Однако такой персонаж, вполне состоявшийся и устоявшийся, показался мне слишком, что ли, бронзовой личностью, которую мне не своротить в плане характера. Немного покумекав, я скинул ему десяток лет, снабдив для контраста старым наставником и еще более молодым другом. Обоих, честно скажу, придумал, все совпадения случайны.

В тексте есть и другие допущения, правда, совсем незначительные – ради красного словца. Клоню я к чему? К тому, что это не ошибки – допущения. Все-таки книга, хоть и историческая, с опорой на чертову кучу подлинных источников и научных исследований, не научная, а художественная. Сиречь имеет право быть наполненной разнообразными фантомами сознания.

Далее.

Я сознательно не ввел в дело ни одного значимого женского персонажа. Не со зла. Не потому, что автор гендерный протестант или, упаси боже, женоненавистник. Девчонок я страшно люблю, ценю и уважаю. В моей околохудожественной писанине почти всюду женщины. Даже секс случается. «Пилот мечты» делал это в кокпите космического истребителя!

Но не здесь, нет.

Кто-то может сказать:

– И правильно! Задрали уже все эти сеттинги, куда искусственно вмонтированы сильные и независимые тети!

Оно, конечно, так – задрали. Но локальный внезапный игнор девчонок с этим прискорбным явлением вообще не связан. Никак. Просто ситуация не располагала. Военный поход рыцарского войска, а потом – отряда. И куда тут поместится прекрасная и хрупкая девушка? Даже если она не очень хрупка и совсем не прекрасна – ей просто не нашлось места.

Да и хотелось, что греха таить, отвлечься от почти обязательной лавстори в любом, даже не слишком подходящем, случае. Эксперимент, знаете ли. Насколько зайдет читателю не совсем клишированный сюжетец? А то имеются рекомендации, ну вы знаете: не более четырех персонажей, конфликт с внутренним антагонистом (то есть герои должны непрерывно лаяться, выясняя, кто тут альфа), любовь и прочая, прочая.

Ничего этого в книге нет.

Зачем вообще я ее написал, спросит кто-то? Что хотел сказать, какие глубокие смыслы преследовал?

Отвечу просто: написал, потому что мог. Не только историческим занудством жив человек, я в том числе. Художественная форма и апелляция к чувствам важна не менее. Никакой сверхзадачи не имелось, а что до смыслов... мы все лишь пустые сосуды, которых наполняет божественный ветер реальности. Каждый волен искать и найти в моем сосуде то, что он сумеет или захочет.

Вот такие замечания касательно книги, очень для меня непростой. Вот такие замечания касательно персонажей, с которыми ваш робкий рассказчик сильно сроднился.

Надеюсь, сроднитесь и вы.

P.S. Огромная благодарность, признательность и низкий поклон замечательной Елене Ашихминой, которая прошла со мной весь этот путь от начала до конца. Без нее никакой книги просто не было бы.

Глубочайшее мерси Андрею Куркину – блестящему специалисту и знатоку бургундского Средневековья. Его советы оказались

бесценными. Мессир Андрэ, vive la Bourgogne!

Клим Жуков

Часть 1

Глава 1

Антиквар

Отец оставил мальчику Кириллу в наследство фамилию Пенежежневецких и больше ничего.

Мальчик Кирилл изрядно настрадался с родовым своим прозвищем в школьные годы. Понятно почему – дети бывают очень злыми существами. Кирилл держал оборону и даже бивал разные лица, чтобы они, лица, не позволяли лишнего. Ведь за фамилией, как ни крути, череда предков, требующих почтения.

Потом был Московский историко-архивный институт с перерывом на службу в армии, а потом Кирилл внезапно оказался в статусе «уже не мальчик» и заодно обнаружил неприятный факт: страна в нем не нуждалась. Ну, то есть, как бы не совсем не нуждалась. Просто в державе случилось перепроизводство историков, философов и прочих выкормышей фундаментальной науки.

Промыкавшись два года, Кирилл, не будучи большим моралистом, задумался о выживании собственной физической оболочки и совершил весьма необычный для России конца двадцатого века маневр – продал московскую квартиру и перебрался в Петербург, к Неве, сырости, бесконечной осени и тучам над головой.

Город, как раз начавший исправно снабжать столицу образованными кадрами, удивился и принял гостя холодно. Это выразилось в обвальном чередовании неудач на ниве юного русского предпринимательства, которое по недоразумению величали англосаксонской идиомой «бизнес».

Начинал он с недоремонтированной, но весьма солидной «трешки» на Васильевском острове, приобретенной на волне удешевления жилья и удорожания североамериканского доллара, которыми приветствовал немногих счастливицов кризис 1998 года. Кирилл только что продал трехкомнатную недвижимость на Цветном

бульваре и оказался обладателем сумасшедшей кучи заокеанской валюты, которая каждый день превращалась в еще большую кучу рублевого эквивалента.

Хватило на статусное помещение возле метро “Василеостровская” и небольшую, но собственную долю в риелторской компании, которая занималась опять-таки жильем.

Тогда же старшие коллеги объяснили, что успеха в бизнесе с такой фамилией не видать. Пеневежневцевских – это кто ж выговорит такое при общем падении нравов и образования!

Ну что же? Рвать неподатливую материю реальности – так с хрустом и до конца!

Пришлось потерять паспорт и превратиться в Ровного, по матушке.

Кирилл Ровный – очень удачное в деловых кругах поименование!

Удачным оказалось только новое имя. Кризис, принесший деньги и отличную «хату» в царском фонде, унес и деньги, и хату.

Через два года юный бизнесмен приземлился в захолустных Озерках, проживая с видом на свежестроенный торговый центр «Бада-бум». Название наведало ассоциации с Люком Бессоном, а жилье – тоску, потому что с царским фондом его роднило лишь отсутствие ремонта.

Итак, актив: одна комната, тесная кухня и дом, который аборигены называли отчего-то «кораблем», унылая работа в том самом «Бада-буме», где Ровный подвизался на ниве торговли мобильными телефонами, как раз входившими в моду и всеобщее употребление.

Впрочем, работу можно было смело вносить в пассив, потому что «менеджер по продажам», помноженный на бесполезное образование, – это тавро, совсем как у коровы в штате Техас. То есть на первый взгляд – никаких перспектив. Да и на второй тоже.

Молодой президент на экране тайваньского «Панасоника» доходчиво рассуждал о вертикали власти, борьбе с коррупцией и поддержке малого предпринимательства, а Ровный никак не мог взять в толк: чему так радуется публика?

От старого самодержца, памятного пьяными плясками, новый отличался лишь трезвостью, спортивным телосложением и публичной прогулкой «по делам» на истребителе фирмы Сухого.

Сослуживцы называли президента «новой надеждой», миротворцем и стабилизатором. А Кирилл хмыкал, добавляя про себя, что оно конечно, стабилизатор, стабилизатор планирующей бомбы. Чтобы, значит, падало ровнее.

Впрочем, как отмечено выше, склонностью к морализаторству он не отличался, поэтому в политические дискуссии не вступал, а хмыкал исключительно про себя или, как писал Грибоедов, – «в сторону».

Гораздо сильнее его заботило персональное все более туманное будущее.

Огромный трехэтажный ларек, выступавший на бизнес-сцене под псевдонимом торгового центра, отражал реальность, как зеркало, но не гладкое венецианское, а мутное, бронзовое из античных времен. Арендаторы разорялись, им на смену приходили новые, и не было решительно никаких гарантий, что фирмочка, приютившая Кирилла, не завернет лапы через неделю. Или через месяц. Придавят конкуренты или очередной «подарок» налоговой службы – словом, были варианты, один другого поганее.

Надо было срочно соображать, и он соображал, что неизменно выливалось в малоприменимую с практической точки зрения формулу:

– Надо валить, надо срочно куда-то валить!

И никаких более жизненных рецептов.

Именно тогда Кирилл обзавелся фатализмом глубиной с Марианскую впадину, а заодно встретил старого армейского товарища.

Случилось это на работе, где и проходила основная светская жизнь. Кирилл отличался нелюдимостью и тщательно взлелеянной мизантропией. Друзьями не обзавелся, модно тусоваться не любил и не умел, посему весь ассортимент лиц и встреч, отпущенный

человеку, относился к рабочим будням. Так что встреча в данном интерьере была неувидительна.

Более того, у судьбы почти не было других шансов в смысле места и времени.

Кирилл сидел на стульчике за ненадежным столиком, который хотелось назвать моднявым (торжество алюминия и прессованных в братской Финляндии опилок русских сосен). Срок адамовой кары на сегодня близился к завершению, и он медитировал на вращающийся под потолком тетрагон с красной надписью «Евро-Стар». Почему именно «евро» и отчего вдруг «стар», было решительно непонятно – на звезду европейского масштаба фирмочка никак не тянула.

Вдоль облитых стеклом стен прогуливались два гражданина, которых тренированный глаз мгновенно зачислил в ранг «некчемушников» – собственное Кирилла определение. Пришли, поглазели, ушли, не поделившись деньгами.

«Некчемушников» он научился вычислять через неделю службы, поэтому отреагировал на их появление еще большим погружением в медитацию. И так глубоко удалось нырнуть, что появление натурального «кчемушника», сиречь клиента, Ровный пропустил.

В левый висок вонзилось уверенное:

– Слышь, братан!

– А... чем могу помочь? – к нему обращались кожаная куртка в зимней крошке, джинсы и ботинки спортивного фасона, а также два золотых перстня.

– О-о-па! – ответили перстни, и Ровный удивился.

Не сразу, вовсе не сразу он совместил образ тощего сержанта Петухова с современным его изданием, которое было раза так в полтора толще памятного.

– Артем? – секундная заминка, ибо, с одной стороны, то был именно Артем, но, с другой стороны, клиент явно не из бедных – такой вот служебный комплекс.

– Ну, ептель! – пухлая ладонь в рыжих волосках прошла по плечу. – Ты чего здесь?

– Работаю, – ответил Ровный и засмутился. – Ты... Вы... что-то купить? Э-э-э...

– Ну ты, Кира! Вообще, я не знаю! Ты мне еще «выкаты» начни!

– Так ведь работа. Не, серьезно, ты что-то хотел? Не на меня ж посмотреть!

– Да это... – тут почему-то замялся бывший сержант Петухов. – Труба нужна понтовая, а то мне «Нокией» перед людьми светить как-то неловко.

И он повертел в воздухе хрестоматийной коробочкой «Нокиа 3310» веселой голубенькой масти.

– Запросто! – обрадовался Ровный и распахнул закрома. – Вот «Бенефон ESC», если прикипел к «Нокиа», только что поступили 7650-е, как раз понтовая штука.

– Все ясно. Давай что подороже и пошли отсюда, а то как не родные, – и, изобразив на щекастой пельменине, заменявшей лицо, радость, сказал, разведя руки в скрипнувшей коже: – Мне ж тебя сам Бог послал! Братан!

Сделка была благополучно совершена, магазинчик пал на плечи напарника, а приятели осели неподалеку, в псевдопабе «Король Плющ» – одном из отголосков ирландского эха, которым прогремел на весь Питер знаменитый «Моллиз».

Они сильно выпили и похвастались жизнью. Точнее, хвастался сержант Петухов, так как Кириллу хвастаться было особенно нечем.

Оказалось, что сержант теперь занимается антиквариатом (этакий карьерный выверт) и ему очень нужен, ну просто до зарезу, эксперт.

– Ну, головой-то подумай! Ты ж историк! Ну!

Кирилл залпом осушил квадратную стекляшку с напитком системы «Джемесон» и сообщил, что он, вообще-то, архивист.

– Ты дурак вообще-то! – отозвался грубый Петухов и тоже прикончил виски.

– Я не дурак, а трезво оцениваю возможности.

– Возможности?! – того аж подбросило. – Возможности?! Да что ты знаешь про возможности! Сейчас время такое, братан, можно

здорово подняться, это я тебе говорю. Только клювом щелкать не надо! Понимай!

– Так я-то тут при чем? – не желал понимать Ровный. – Я – архивист, а тебе нужны эти, искусствоведы. Ну... Русский музей, Эрмитаж...

– Эрмитаж-хренаж, – Петухов изобразил в дымном воздухе неприличный жест. – Они, конечно, могут. Только долго! И дорого! Приходишь в эту их экспертно-закупочную комиссию, до начальника, до Файмисовича, не достучаться, волынят по полгода и денег хотят до х...

По его словам выходило, что эксперт – это ужасно важная фигура.

Эксперт должен уметь на одном листе А4 написать такие слова, «чтобы клиент обосрался и немедленно купил».

– А печати мы любые нарисуем, – закончил он. – Это называется «экспертное заключение»: фото на принтере, пять абзацев научной ахинеи, подпись, дата – все! Чего тебе такое сочинить? Трудно, что ли?

– Нет, не трудно, – сдался Кирилл. – И каков гонорар?

– Сразу скажу, немного. Десять процентов от стоимости вещи. Я занимаюсь в основном всякими саблями, допотопными пистолями и тому подобной лабудой. У меня сейчас партия из Индии – тридцать шесть клинков и еще кое-что по мелочи – в Эрмитаже мне на них рисовать бумажки будут, пока я не облысею. А надо быстро, за пару недель, потому что скоро декабрь, народ ринется покупать дорогие подарки на Новый год. Тем более у нас на дворе миллениум, мать его за ногу.

– И... сколько стоит партия?

– Ну вот смотри, если настроишь красивую бумажку, я в среднем возьму за сабельку два куска.

– Долларов? – осторожно спросил Ровный.

– Нет, епт! Греческих драхм!

– Это получается... – он мысленно умножил тридцать шесть на две тысячи, а после деления на десять – обильно вспотел.

Петухов довольно поглядел на приятеля.

– Ну что? Теперь допер? Или так и собираешься трубками вразнос барыжить, чучело?

Первый блин оказался против обыкновения вовсе не комковатым.

То ли город, наконец, сжалился над московским эмигрантом, то ли у Ровного проклюнулся талант к запудриванию чужих мозгов, то ли почти профильное образование пошло впрок?

Новообращенный эксперт, правда, небезосновательно полагал, что всему виной миллениум, начисто вывихнувший психику тюменских нефтяников, таможенных чиновников и прочих хозяев жизни в сторону лабильности.

Индийскую партию и «кое-что по мелочи» вымели начисто еще до середины декабря, утяжелив экспертное портмоне почти на восемь тысяч долларов – страшные, если подумать, деньги. В шестнадцать раз больше его телефонного дохода в самый удачный месяц.

– Нехреново! – резюмировал Ровный, сведя баланс, и уволился из родной конторы к такой-то матери.

Дальше дело пошло куда натужнее.

Ровный быстро выяснил, что Петухов – крайне мелкая рыба и общается в основном не с окончательными покупателями, а с дилерами более высокого уровня, а значит, главные финансовые ручьи текут вдалеке от его, а значит, и кирилловского кармана. Особенности русского предпринимательства, основанного на многократной купле-продаже, Ровный усвоил еще во времена недолгой квартирной пытки, поэтому не удивился и не испытал особенного огорчения.

Серьезно огорчал факт кислого информационного обеспечения – нужные книги продавались только на счастливом Западе, а библиотеки, даже могучая Публичка, то и дело вертели кукиш. Пришлось долго носить коньяк, чтобы припасть к мудрости профильных собраний, например, эрмитажной библиотеки, куда простым смертным ход заказан. Юный интернет в те годы помогал плохо и мало, исключительно по юной своей нескладности.

На Петухова он работал недолго.

Точнее, на одного Петухова.

Вскоре появились нужные связи, клиенты в лице дилеров и даже настоящих коллекционеров. Хоть заниматься приходилось всем подряд (от картин до самоваров), свой первый удачный опыт с индийскими саблями Ровный вспоминал с нежностью, навсегда прикипев к теме сердцем.

Потом, когда появились деньги, он аккуратно попытался перейти в высшую лигу – возить «старье» самостоятельно, что удалось вполне.

Сержант Петухов не обижался на такую неразборчивость однополчанина, справедливо полагая, что жить всем надо.

А Кирилл лет так через несколько сделался известен в тонком слое антикваров. Экспертом он слыл осведомленным, а барыгой не жадным. Великих миллионов заработать не удалось, но на спокойную жизнь хватало.

Он даже подумывал вновь перебраться в исторический центр, но вдруг обнаружил, что на загаженных берегах Суздальского озера ему вполне комфортно. Так и пророс антиквар Ровный на крайнем севере культурной нашей столицы.

К сорока годам он превратился в настоящего аборигена, подъезд величал парадным, бордюры – поребриком, палатку – ларьком и даже выучился рафинированному питерскому акценту.

Ровный оглядывался на жизнь и не мог взять в толк, как так вышло, что страна, которой полагалось окончательно развалиться при рождении, все еще живет и даже, если верить новостям, ведет какую-то внешнюю политику. Молодежь отказывалась читать, издательства выли от обвала книжного рынка, но он никого не осуждал, вспоминая клинописную табличку времен Хаммурапи, которая гласила: «Настают последние времена, младшие не почитают старших, кругом царит разврат и падение нравов, и всякий дурак норовит написать книгу».

Себе же он казался застрявшим меж двух времен, то есть при словах «негр преклонных годов» мог вспомнить не только Моргана

Фримана, но и Маяковского.

Шумно грохнул юбилей, оросив пейзаж водкой, русский космос поглотил без следа марсианскую ракету «Фобос-грунт», возвестив всему миру, что космос больше не русский, антиквар же высадился у знакомого дилера – юное дарование сулило дело «на миллион долларов» – ну это как водится.

– Нет, Миша, я тебе не помогу, – сообщил он, обзрев богатства, попиравшие паркет квартиры возле метро имени Чернышевского.

За окном зверствовал бог Ярило с удивительным для питерского июня энтузиазмом, а из-за барной стойки пахло котлетой – там колдовала жена юного дарования.

Какая, в сущности, глупость – устраивать студийное жилье, особенно в историческом помещении! Оно конечно, профессор Преображенский завещал принимать пищу в столовой, а не на кухне. Но разве это повод превращать в кухню всю квартиру? Как ни поверни, а доминантой будет функциональная составляющая самого низкого уровня.

Например, кухня.

А сломай перегородку с сортиром – и все помещение превратится в сральник.

Так или примерно так (теперь уже не выяснить в точности) подумал Ровный и вновь обратил взор на разложенную прямо поверх паркета арматуру. Тяжкий вздох и взгляд в модные очки.

– Нет, Миша, тут я тебе точно *не помощник*, – последние слова он выделил достаточно убедительным смысловым курсивом, надеясь на понимание.

Впрочем, напрасно.

– Но почему? – спросил Миша настойчиво.

– Потому что. Ты лучше меня знаешь, чем я занимаюсь. Вот если бы ты нарыл коллекцию... скажем, эсэсовских кортиков, тогда другое дело.

– Гадость какая! – воскликнуло дарование.

– Да, мне тоже не нравится. Все эти вороны, как из Вар-хаммера, алюминиевые заклепки – в общем, дрянь.

– Ну так! В чем же дело! Это же шестнадцатый век – красота! Рапиры, романтика!

С кухонного фланга вклинилась жена с мудрым предложением:

– Мужчины! Как вы задолбали с вашими железяками! Вы есть будете?

Ровный плавно и согласительно взмахнул рукой, мол, всенепременно, и обратился к Мише:

– Дело в том, что это рапиры. Кстати, семнадцатого века самая ранняя, я думаю, годов тридцатых. Но это к слову. Они старые, красивые и очень дорогие, понимаешь?

– Так разве плохо?

– Плохо! – отрезал Ровный. – Ты мне предлагаешь выкупить на двоих два десятка отвратительно дорогих убивалок, которые никому не нужны. Мы их замумукаемся продавать – гарантирую. То есть денег я вложу много, а отбиваться они будут года два. И сколько ты наваришь с каждой? Копейки, потому что закупка очень дорогая. Неоправданно.

– Слушай, Ровный, – продолжал упорствовать Миша, – сейчас не девяностые, сейчас люди хотят эксклюзива! Вот он, эксклюзив!

Кирилл слез с высоченного стула-жердочки, ухватил одну рапиру и подал ее хозяину.

– Это не семнадцатый век – это историзм, подделка времен императора Николая Павловича. Видишь наверху на резьбе? Вот то-то... Я тебе уже говорил, повторю еще: народ хочет, чтобы круто, много и недорого. Вот кому нужны твои рапиры, да еще за такие суммы? Много ты их соберешь? Немного – это трудно, требует хорошего вкуса, хорошего знания и много денег. Сочетание исчезающе редкое. Это раз. Два – русские люди любят кого? Правильно, тех, кого лупили особенно люто. И желательно недавно. То есть фашистов и японцев. Ну или наши родные палаши с саблями:

выглядит брутально, достать нетрудно, стоит подъемно. Можно повесить всю стенку, а потом хвастаться перед братвой – все просто.

– Мужчины! – возгласила жена. – Обед стынет! Ровный, тащи моего охламона, ты ж старый умный человек! А то он может возиться до ночи!

– Я не старый, а в самом соку, – отозвался Кирилл. – В общем, Миша, диагноз такой: денег я тебе не дам – бессмысленная затея. Если надо – сделаю заключения.

– Заключение... блин, – Миша был явно разочарован. – Кому они нужны, твои заключения, если я коллекцию не выкуплю...

– Обратись к Петухову, – посоветовал Ровный.

– Пф-ф-ф! Авантюрист с хитрыми глазками! – сказала жена, раскладывая корм по тарелкам.

– Юля, твоему Мише как раз нужен авантюрист.

Вместо Юли отозвался мобильный телефон, растревоживший трелью карман рубашки.

– Во! Вспомни... его, а вот и оно! – Ровный продемонстрировал обществу экран мобильного, возвещавшего имя. – А вот и авантюрист! Здорово, Петухов! Что? О Господи, второе дело на миллион долларов за сутки – я не выдержу! Нет, я у Миши Пивника. Нет, я трезвый, а в чем вопрос? Ну... так круто, что не по телефону? Ну ладно, давай через пару часиков у тебя. Договорились.

Через пару часиков он понял, что авантюрист Петухов окончательно рехнулся от жадности, о чем и рассказал товарищу. Товарищ сидел напротив за столом, инспектируя ногти зубочисткой. Стол покоился в самом центре Петроградской стороны среди поддельного евроремонта, сделанного недавно молдавской рабочей силой.

Между друзьями лежал изрядный кусок бумаги в пластиковой папке. Бумага была очень старая, с вязью не менее старого почерка без пробелов между словами, обильно снабженным титлами и завитушками.

Ровный извлек из глаза профессиональный монокуляр с подсветкой, откинулся в кресле и сказал:

– Петухов, ты рехнулся от жадности.

Сержанту годы пошли на пользу. В телесном, так сказать, смысле. А вот голова, на взгляд Кирилла, сделалась не очень.

– Хе-х! Это ж разве плохо? Ты представляешь, каких денег может стоить этот автограф, если ты приделаешь к нему легенду? Ты ж у нас архивист, блин. Вот тебе архивная ценность! Работай!

– Тема, я *был* архивист двадцать лет назад.

– Вот любишь ты, Кирюха, корчить девственницу. Сколько времени прошло, а ты все такой же! Всю дорогу приходится пинать тебя в задницу! Сам ведь не пошевелишься! Что, забыл, как с тем фарфором было? Кита-а-айский, не моя те-е-ема! И чего? Сколько в итоге заработали?

Ровный хмыкнул и, вторично снарядив глаз монокуляром, склонился над бумагой.

– Это старофранцузский, – сообщил он минут так через шесть с половиной. – Тебе надо обратиться к мадам Киселевой в библиотеку Академии наук. После того как Малинин попал под машину, никто лучше не...

– Заткнись и работай, – перебил хамоватый сержант, не отвлекаясь от ногтей. – Я никакую Киселеву не знаю, а тебя знаю. Ты ж Францию изучал? Зачем тебя только Родина учила?

– Я не Францию изучал, а Бургундию.

– Да мне как-то по херу, – сообщил Петухов.

Проползли по циферблату еще пять минут, а потом еще четыре. Ногти были проинспектированы, зубочистка улетела на ковер, а Ровный наконец подал голос.

– Почерк затейливый. Все вкривь-вкось, будто писали не на столе, а, скажем, на спине боевого товарища. М-м-м-м... и вообще, какая-то чушь. Вот тут, – он ткнул пальцем в прозрачный пластик, – подпись: «Филипп де Лален». А дата – 19 августа 1465 года.

– Это мне тот наркуша поведал, я в курсе. Ну и?

– Ну и! Ну и то, что Филипп де Лален погиб за месяц до этого! 16 июля! Под Монлери! Ты уверен, что это не подделка?

– А ты уверен, что это не какой-нибудь другой де Лален, или как там его? Мало, что ли, во Франции Лаленов? Короче, у того наркомана дед из Германии вывез целый гроссбух с вот такой вот галиматьей. Мне надо, чтобы ты все проверил: точно ли не тупта, можно ли придумать легенду, сколько именно такие бумажки стоят? Я знаю, что до хрена, но конкретно сколько? Задвинуть я их и так сумею, но обидно будет проколоться и пролететь с ценой.

– Петухов, – проникновенно начал Ровный, – если это оригинал, то, учитывая адресата... а это не кто-нибудь, а граф Шароле, будущий герцог Бургундии Карл Смелый... Это очень дорогая вещь.

– Карл Смелый? Это такой мутный чувак, про которого старое кино было? С этим гомосексом, как его...

– Жаном Маре. Именно. «Чудо волков», или «Тайны Бургундского двора», – ответил Ровный, не обращая внимания на возмутительно прекрасную незамутненность друга.

– В общем, так, хватай все те бумажки, что я у торчикошника на пробу выцыганил, вали домой и начинай вкалывать, не покладая на. Жду результатов. Вопросы?

Вопросов не было. Было лишь изумление от способности сержанта Петухова так бесцеремонно командовать старым приятелем, которому не только не заплатил ни копейки, но даже пока ничего не обещал.

Безусловно, это были оригиналы. Подлиннее бывает только настоящая любовь в девятнадцать лет.

Кирилл достаточно разобрался в теме и прилично читал на средневековом французском. И чем дальше он прилично читал, тем сильнее потел. Но не от жадности, как приземленный Петухов, – от восторга любопытства.

Глава 2

Рыцарь

Молодому рыцарю Филиппу здорово повезло. Склонилась над ним капризная дама Фортуна и улыбнулась во все свои тридцать два зуба, которые редко кому сверкают. Или как там принято говорить среди куртуазных бургундцев? В любом случае нашему брату эта дама чаще всего показывает совсем другую часть тела, которая с куртуазной стороны тоже очень ничего, да вот беда – приносит сплошные неприятности.

Так вот, молодому рыцарю Филиппу здорово повезло.

Начать с фамилии – де Лален. Валлонские дворяне, осевшие в Геннегау, которое бургундцы исковеркали до неузнаваемого Эно (поди разберись, что Эно и Геннегау – одно и то же!). Не богатые, но и далеко не беднота, герб, если кому интересно, – девять серебряных ромбов на червленом поле. То есть, если по-людски, – белые на красном.

Их старшенький сын отличался дьявольским характером и дьявольской же силой, что позволило отличиться перед очами старого герцога (тогда еще не очень старого) во время штурма Люксембурга, когда паренек дал добрым горожанам перцу, а также заставил прочихаться. Накрутил, словом, хвост.

Старшенького-то теперь все знают: его звали Жак де Лален. Звали – это потому что всего через десять лет после люксембургского триумфа его застрелили из пушки совсем другие горожане, но, в общем, тоже неподалеку – возле Гента. Городок звался просто Пук (или Пуке, а может быть, и Пукве).

За старания на полезной военной ниве и за дьявольские успехи на ниве бесполезной – турнирной – старый герцог его очень полюбил и сделал шамбелланом, начальником, значит, светлейшей герцогской спальни, простыней, подушек и светлейших же ночных

ваз. Вот это наградил так наградил, скажете вы. Потому что ничего не понимаете, натурально ничего, в придворной жизни. В любом случае распорядиться кроватью, которой касается светлейшая задница, – это вовсе не зазорно, даже если тебе рукоплещет вся Европа, а дамы только успевают вздыхать: ах, мессир Жак, какой кавалер!

И, кстати, зря. Зря, то есть, вздыхали. За турнирными усилиями мессир Жак не оставил сил для вздыхающих дам и дамуазелей, уйдя из мира совершенно без потомства. Именно в этом участке жизни молодому Филиппу и заулыбалась Фортуна.

Папаша Отто (бургундцы звали его сокращенно – От) вовремя сослал младшенького ко двору, где старый герцог со всей внезапной сентиментальностью обнаружил, что паренек, как две капли похожий на безвременно унесенного пушечным ядром героя, является его тезкой, а заодно вспомнил, что он, герцог, ему практически родственник, а именно – крестный отец.

И готово дело: молодой человек назначен шамбелланом герцогского наследника – смелого графа Карла, про которого все говорили, что наследничек получился «с португалинкой». Весь такой слегка смуглый, яростный и вспыльчивый, совсем не похожий на старого Валуа. Ни внешностью, ни темпераментом. Ну а чего вы хотели, если мамаша – Изабелла Португальская?

Словом, повезло мессире Филиппу.

Да-да, теперь он был не просто дворянин, а настоящий, самых чистых кровей мессир, сиречь рыцарь. Карьера на этом не остановилась, и он от герцогских милостей стал губернатором родного Геннегау – богатой провинции, сулившей возможности. Возможностями он, впрочем, пренебрегал, вызывая зубовой скрежет завистливых и более практичных знакомцев, которые «развернулись бы, будьте благонадежны». Не разворачивался, а все оттого, что рыцарь.

Кстати, о рыцарях.

Графу Шароле, то есть Карлу Валуа, внезапно потребовалось очень много рыцарей.

Война.

А будущий герцог до сих пор находился в плену сладостного заблуждения, что, если юному шалопаю нахлопать мечом и сказать «встаньте, сир рыцарь», у того моментально возрастет боевое мастерство, дисциплина, доблесть и прочее, без чего толком не повоюешь. Оно, конечно, соблазнительно, потому как недорого и вроде бы все старые легенды хором такой рецепт подтверждают, в смысле действенности.

Только вот правда жизни утверждает обратное.

То ли народ измельчал, то ли легенды врут, да только по нынешним временам куда ценнее пяток опытных вояк в старых добрых кирасах и навозных сапогах на мозолистых пятках, чем десяток расфуфыренных гусей или даже павлинов в бархате и дамаске с перьями разве что не в заднице, прости Господи!

Ничего плохого нельзя сказать про молодого рыцаря Филиппа, не подумайте ни в коем случае. На коне он истинный кентавр, да и силушкой пошел в отца, уступая лишь покойному брату (ну да кто с ним сравнится!). Смел, как дюжина генуэзских пиратов, копьем попадает в яблоко на полном скаку, а большим германским мечом умеет размахивать чисто как мельница лопастями, спасибо дядьке Уго де Ламье – выучил.

Да только для войны недостаточно. Война – не турнир, и эту простую истину скоро предстоит осознать.

Впрочем, молодой рыцарь в бургундской армии был явно одним из лучших. И ведь не такой уж и молодой, хоть и не скажешь, что первую кровь он пролил вместе со старшим братом и что нынче ему тридцать пять, и он на два года старше своего господина! Потому что куда лучше укреплять дух и тело на турнирах, хоть и бесполезное это развлечение, чем заливаться молодым вином и уныло богатеть, как привыкло подавляющее большинство бургундского арьербана за долгие, почти мирные годы под знаменем старого Валуа.

Будущий герцог скучать не даст, достаточно взглянуть на него, чтобы умный человек задумался: не переживает ли Бургундия последнее спокойное лето в год от Рождества Христова 1465?

Филипп де Лален мчался в Камбре вместе со многими вельможами Службы Рта и Тела. Мчался устраивать графскую квартиру, где наследник поселится в ожидании окончательного сбора войск.

Да, да! Именно войск! И не надо стоять с видом потерянной невинности!

Года не прошло с тех пор, как в герцогском дворце в Дижоне граф Шароле узнал, что король Людовик XI лишил его пенсионна (девять тысяч франков, между прочим), который полагался ему вместе с титулом, каковой король пожаловал в благодарность и в ознаменование вечной признательности бургундскому дому за приют во время той памятной ссоры, что учинили тогда еще юный и горячий дофин со своим папочкой, светлой памяти Карлом VII.

Друг детских игр нашего наследника долго гостил при дворе, пока король не умер, потому что Карл был крут. А как иначе? Его возвела на трон лично Божья воля рукой Орлеанской девственницы. И на этом простом основании он почитал себя кругом и всегда правым.

Друг Луи отличился уже не первый раз, а точнее, во второй, приняв самое горячее участие в «прагерии» 1440 года, когда возглавил восстание вельмож против отца. Отец победил, а сынок (маленькая властолюбивая дрянь) был помилован.

Вторично такой удачи могло не случиться, потому что годы не добавили королю долготерпения. Да и незаживающая язва на ноге – не лучшая приправа к хорошему расположению!

В общем, пришлось дофину сбежать в Брюссель, сделать ноги, а проще говоря, слинять под крыло великого герцога Филиппа, где он и гостевал вплоть до 1461 года. Филиппа он величал едва ли не папенькой, а тринадцатилетнего Шарля – милым братцем, что было почти правдою – кузен все-таки.

Итак, король сошел с ума и умер от голода. Боялся, что сынок его отравит, и решил не доставлять ему такого наслаждения, для какой цели перестал принимать пищу совсем. Да здравствует, то есть, король! Людовик XI!

Расцеловав ручки «почти папеньке», поклявшись в вечной дружбе и благодарности, он назначил для затравочки «милого братца» графом Шароле и положил те самые злосчастные девять тысяч франков годового пенсионера. Мол, всегда ваш, Людовик, люблю, целую, ждите писем и прочих милостей.

Вместо милостей Луи, которого бургундцы почитали не иначе как «карманным королем» (какая, право слово, наивность!), принялся интриговать, для начала купив герцогских фаворитов – братьев де Круа, которые уговорили старичину продать королю города на Сомме – Амьен, Сен-Кантен и Абвиль. Потом пришла в королевскую голову мысль, что кузену будет жирно – девять тысяч вполне можно применить и получше.

Итак: Дижон, дворец, вечер трудного дня.

Наследник играет в шахматы и пьет вино в компании Оливье де Ла Марша – главного церемониймейстера и вообще – заслуженного человека. Стук фигур о драгоценный палисандр, умная беседа, слуги замерли в позиции «чего изволите», воздух пахнет зрелым летом.

И тут приперся гонец с королевской почтой, натурально все разрушив.

«Дорогой кузен, не считаю возможным унижать Ваше достоинство столь скудным содержанием, кое злые языки могут расценить как подачку. Посему отзываю пенсион, полагая, что столь великий человек, коим Вы, несомненно, являетесь, достоин куда большего, чего мы обеспечить не в состоянии по скудости казны. Остаюсь Вашим преданным другом, Людовик, король Франции».

Содержание теперь доподлинно не установить, но что-то подобное гонец графу и зачитал.

И полетели молнии.

Письмо распалось на мелкие кусочки под натиском португальской ярости. Граф кричал и попирал ногами цветное отражение витража на полу – а там, о Мадонна, молящийся Роланд! По которому графские пулены и прошли. Гонец удостоился скуловорота, слуга, не успевший спрятаться, пострадал от кувшина с вином, что разлетелся вдре�г о его маковку, потом был разрушен шахматный столик, совершенно ни в чем не повинный.

Под конец остатки письма граф самолично скормил гонцу и вышиб его прочь исполинским пинком.

А после явился доктор – Лопес Португалец, утихомиривший Карла травяным отваром.

Не пострадал только Оливье де Ла Марш – слишком уважаемый человек, чтобы на нем вот так срываться.

Граф возлежал под балдахином с пиявками на висках, Лопес поил того своим варевом, а Ла Марш сказал:

– Сир, я полагаю, что вы захотите ответить?

– О! Я захочу! Я отвечу, клянусь месячными Богоматери! – отозвался граф, не вполне отошедший от приступа гнева.

– Тише, тише! Вам не стоит так напрягаться, – прошелестел голос Португальца.

– Пошел к черту, клистирная трубка, – слабо возразил граф.

– Нынче же в Голландии обретается королевский поверенный бастард Рюбанпре, – Ла Марш покачался с носка на пятку и, заложив ладони за пояс, уставил глаза в потолок.

– Подловат, гнусноват и трусоват. Мерзавец, каких мало. И что?

– Выпейте еще отвару, сир.

– Я тебе сейчас воткну все твои тубики туда, где не восходит солнце, если еще раз встрянешь, – возразил граф, отвар, однако, выпил. – И что, Оливье?

– Совершенно согласен. Мерзавец. А еще – шпион. Стоит вам только приказать, и я немедля отправлюсь в Голландию и арестую ублюдка.

Граф приподнялся на подушках, страшно взглянув на врача.

– Немедля исполняй, Оливье! Для начала – неплохо! И дорогой кузен тебя в отместку не достанет – руки короткие, ты же подданный Империи!

– Для начала? – поднял брови Ла Марш.

– Конечно, для начала! Он у меня вспомнит! И «содержание», и «подачку», и города на Сомме! Сейчас вызвать писаря!

Надо настроичить пару депеш для всех, кому Луи успел насолить не меньше, чем мне!

Это была правда.

Властный король насолил практически всем отцовским чиновникам, вельможам и приближенным, совершенно отстранив их от дел. Всего таких обиженных набралось больше пяти сотен!

Помимо всякой мелюзги (кто теперь о ней вспомнит), король прищемил хвосты и вполне солидной рыбе. Собственному младшему брату Карлу, герцогу Беррийскому, сенешалю целой Нормандии; Франциску II, герцогу Бретонскому; Орлеанскому бастарду Дюнуа; графу де Сен-Полю, мечтавшему о мече коннетабля Франции, и прочей графской мелочи, о которой говорилось выше.

Вся эта раззолоченная братия организовала, только не падайте, Лигу Общественного блага! Не допустим, мол, тирана и деспота! Костью ляжем за всеобщее благоденствие! Для других, для других стараемся, не для себя!

Смех и грех...

Ну а нам-то что?

Мы ведь даже не графы – так, пыль под копытами.

Приказано собирать войска – щелкнули шпорами и собрались.

Войска, кстати, собирались в Камбре, так как Бургундское герцогство – это такая подкова на теле Франции с рекой Соммой по верхней внутренней стороне. Камбрейское епископство, что растет и богатеет на Шельде, таким образом, ближе всего к спорным городам: Амьену, Сент-Кантену и Абвилю. А от них и до Парижа рукой подать.

Что у нас в Париже?

В Париже у нас *все!* Трон, дворец и толпа недовольных горожан – все, что нужно, чтобы склонить короля к неприличной позе.

Епископом в Камбре опять-таки – дядя графа Жан, который хоть и бастард, а все родня.

Так что – в Камбре!

Вот и пылит теперь Служба Рта и Тела по майской жарыни, по полям и дорогам Геннегау (то самое, которое Эно), родной земле молодого рыцаря Филиппа де Лалена. Отчего тот сделался совершенно бодр и весел.

Как же! Уже почти целую неделю на войне, которая никак не отличается от знакомых турниров и охот, зато здорово похожа на победоносный поход к Люксембургу, случившийся на излете его детства.

Конечно, приходится терпеть лишения. Ведь война! А старый герцог воевать с Валуа запретил, и совсем ему невдомек, что сын собирает войска на границе. Поэтому пришлось выдвигаться тихо – без пристойного поезда, что как раз и означает лишения.

Ни тебе паштета из соловьиных язычков, ни пирога из муравьиных бровей, ни доброго анжуйского на привале. Приходится пробавляться солдатской кашей с бараниной и разбавленным водой рейнским, чтобы не насвистаться случайно на привале до витражного состояния. Ну, вы понимаете – тело свинцовое, как переплет, а глаза прозрачные, как стекло. На то и война за общественное благоденствие! Приходится терпеть.

Филипп осадил поводьями своего конька – отличного испанского хинете самых чистых андалузских кровей. Тот послушно сбился с рыси на шаг, манерно перебирая копытами, то и дело фыркающая от пыли. Фыркнул и Филипп по той же самой причине.

– Жарко, – сообщение очевидное и уже не первое и не десятое за сегодня.

– Воевать надо осенью, когда урожай убран. Да и печет не так, – согласился дорогой приятель Жерар, запустивший коня рядом.

– А ты что скажешь, Уго? – Филипп обернулся в седле к хмурому человеку, что ехал позади. – Ты ж старый вояка, поделись мудростью!

– Г-хм, – ответил человек и утер пот с лица собственным беретом, который явил сверкнувшую на солнце лысину.

Человек был будто вырезан из гранита – сухой и крепкий, и только выдавшая виды физиономия говорила о почти старческом возрасте – лет так сорок пять – пятьдесят.

– Чего это он? – поинтересовался шепотом Жерар.

Филипп, напротив, громко, со смехом поведал, что дядька не любит, когда его имя переименовывают на французский манер, ведь он – Гуго и никакой не «де Ламье», а самый настоящий «фон Ламмер».

– Пора бы привыкнуть за столько лет, а, Уго?

– Цена ф-сему этому не т-ороже конского я-плока, – отозвался тот хриплым басом, и речь его коверкал тяжелый тевтонский акцент. – Ты бы лучше позаботился о ночлеге, потому что будет настоящая гроза с ливнем, ветром и всем что положено!

– Сомневаюсь... – протянул Жерар, ткнув пальцем в яркое полуденное солнце.

– Очень зря. Если Уго такой сердитый, значит, у него ноет плечо, или колено, или какая другая старая болячка – значит, погода вскоре переменится.

Помолчали.

Мимо плелся пейзаж: частые хутора, колосющиеся пашни, молившие о том, чтобы предсказание насчет дождя сбылось, – уж очень погоды стояли душные недели так две с половиной. Впереди шагала конная колонна передовой стражи, блестя шлемами, а позади тянулся графский поезд, совсем скромный, лошадей в триста, а еще телеги, повозки, груженные съестным и военным припасом.

Замыкал кавалькаду аррьергард – сзади над тележными тентами высверкивали копейные грани. Все-таки военный поход, хотя, право слово, смешно – от кого беречься в самом сердце герцогских земель?

Филипп, как истинный рыцарь, вел отряд из дюжины конных, включая пажей и слуг (основные силы его знамени двигались вместе с графским войском). Еще с ним ехал старый воспитатель Гуго в непонятном статусе: не слуга – это уж точно, но вроде как и подчиненный. Хоть и дворянин, но не рыцарь... Словом, друг семьи, исполнявший должность фехтмейстера лет двадцать с перерывами на непонятные дела в непонятных землях.

Кроме того, к де Лалену прибился любезный друг Жерар де Сульмон, который никаких обязанностей при дворе не исполнял, зато был изрядно богат и на войну отправился ради искоренения скуки.

– Послушай, Филипп, – начал он, – вот этот твой Уго, он откуда? Де Ламье... не могу понять, где такое имение? И отчего он не носит герба?

– Ну... как он говорит, фамилия фон Ламмер на древнегерманском означает: «из сияющих земель», а уж где теперь те земли – Бог весть. Если охота, сам у него спроси.

– И спрошу! – обернувшись, Жерар наткнулся на взгляд старика и раздумал любопытствовать.

Глаза у того были ну прямо как взведенные арбалеты.

– Отстань лучше, – посоветовал Филипп и усмехнулся. – Видишь, человек крепко не в духе!

– Будешь тут в духе, – проворчал Уго, весь разговор подслушавший. – Проклятая стрела, мать ее так, распродолбанное плечо так и ломит! Твою же сиенскую маму интересным способом тридцать три раза через забор, фики-фуки!

После чего повернулся и выдал примерного нагоняя слугам, которые заметно отстали и вообще – ленились.

Из головы колонны донеслась команда «рысью», отдохнувшие кони сами подобрали темп, и кавалькада поскакала веселее, подняв к небу пыльный хвост. Как водится, где рысь, там и галоп. Вся дорога испятнана этим пунктиром: шаг – рысь – галоп. И валится, валится под копыта счастливая бургундская земля...

Филипп уставил лицо ветру, привстал на стременах и, сорвав шляпу, залиvisto засвистал подходящий мотив, подхваченный соседями.

Молодые рыцари не успели разделаться с песней и до половины, кони, соответственно, не успели как следует вспотеть, когда от головного дозора донеслись соблазнительные крики. Шеренга копий над пыльным облаком сломалась, ржание, кто-то заругался, кто-то закричал.

Филипп вывернул коня на обочину и понесся вперед, провожаемый сердитым возгласом де Ламье:

– Куда?! Без тебя не разберутся?! Вот осел упрямый!

Конечно, разбираться было не с чем. Прав был де Ламье.

Арбалетчики, всю скакавшие в шеренгу по два, не заметили старика, переходившего дорогу. Конь ударил того плечом, старик растянулся в пыли, а его длинная клюка, напротив, вылетев из рук, достигла лошадиного носа. Нос слегка пострадал, мерин взвился, арбалетчик рухнул под дружественные копыта, слегка его потоптавшие.

Словом, мелкое дорожное приключение.

Когда Филипп добрался до места, старик сидел у обочины, тряся сединами, арбалетчик ругал белый свет последними словами, сиюсь потереть ушибленный бок сквозь бригадину, а его товарищи занимались отловом мерина, зачужавшего волю.

Де Лален, как подобает доброму христианскому рыцарю, решил проявить милость к падшим.

– Эй, эй! Папаша! Ты целый? – учтиво поинтересовался он у старика, покинув седло. – Да не мямли! Толком говори!

Рядом уже стоял друг Жерар, а позади возвышалась пыльная фигура де Ламье.

– Дай ему воды, может, очухается.

– У меня только вино. Эй, парни, есть у кого фляга с водой?

– Воды ему! – вскричал пострадавший арбалетчик. – Хрен ему, а не воды, черту старому! Во!

Под носом у старика образовался бугровый кулак.

– Куда лезешь, слеподыр!? Вот сейчас бы затоптали!

– Лучше бы затоптали, – мрачно пожелал жандарм с капитанским шарфом на саладе, подъехавший в суматохе. – Столько времени на всякого пейзажа...

– Да будет вам! – Филипп устыдился такой черствости. – Человек все-таки. На вот, выпей.

И протянул флягу.

– Да что вы, добрые господа! – кряхтел старик. – Я ж как бы и не то что бы это... брел вот, не заметил, а тут вы, уж простите...

Вина, однако, причастился от души.

– Жив, скотина, – сказал жандарм.

Арбалетчик сплюнул и пошел забирать изловленного мерина, Жерар нагнулся за клюкой, а Филипп вдруг услышал совершенно отчетливые слова, так не похожие на недавнее бормотание, – чистый, уверенный голос:

– Не ездни куда, малец. Пропадешь.

– Не понял? – Филипп и в самом деле не понял.

– Нечего понимать. Не надо куда ездить, малец. Скажись больным, упади с коня, вот как этот вот, вывихни плечо и домой, к папочке Оту – здесь рядом, – сказал старик, возвращая флягу.

Де Лален, мягко говоря, опешил. Все прочие звуки, кроме стариковского голоса, отдалились и проникали в уши, как сквозь вату, – это от удивления, не иначе.

– Ты чего несешь?! Какой я тебе малец!

– Не перебивай! – отрезал крестьянин. – Вот сейчас навоюешься, если уж так нейметя, – и домой. Не надо потом куда ездить. Пропадешь.

– Ну вот я тебе сейчас... – Филипп собрался было разозлиться и тут обратил внимание на вторую странность этого дня.

Солдаты вокруг суетились, занимая места в строю, любезный приятель Жерар протянул клюку и отошел, будто бы все в полном

порядке, – никто не обращал никакого внимания на хамские речи крестьянина.

Да и крестьянина ли?

Филиппу помстилось выдубленное лицо в обрамлении пламенеющей отраженным яростным солнцем бороды, миндальные глаза, как на иконах византийских схизматиков, долгополая хламида, как древний рыцарский плащ.

«Монах?» – подумал он и слегка отшатнулся.

– Это тебе совет в спасибо за заботу, парень. Да не стой столбом, флягу заberi. И никуда не ездe, понял?

Де Лален повернулся, чуя зарождающийся страх. А когда глянул обратно, никакого старика на дороге не было – пропал странный дед. И все вернулось на законные свои места – звуки, люди, пыль.

– Н-ну? Голову напекло? – поинтересовался де Ламье. – Забирайся в седло, ехать пора!

– А где старик?

– Точно, голову напекло, – с жалостью сказал Жерар. – Уковылял старичина! Ты чего?

– Да... так. Устал, наверное, да и жара...

Потом был привал, Филипп, непривычно молчаливый, прошелся пару кругов в кости с капитаном жандармов Питером Пфальком, глотнул рейнского и думать забыл про неприятный разговор.

После привала затравили кабана, причем Филипп лично угомонил зверюгу отменным выстрелом из лука. Широкий срезень начисто пересек шейные позвонки – и жизнь наладилась.

О странном старике и его словах, впрочем, молодой рыцарь поделился с де Ламье, который, хоть и угрюмец и замашки у него хамские, а умом зашиб крепко и жизнь повидал. Уго, против ожиданий, Филиппа не высмеял, долго расспрашивал и, ничего не сказав, обещал подумать.

Кавалькада остановилась на ночь в маленьком городке Коринт, да и не городке – селе, разросшемся и заживевшем сверх всякой сельской меры. Благородные господа оккупировали постоялый двор,

кто попроще – сеновалы. За окном гроыхала майская гроза, которую предсказывал де Ламье. Тот сопел на полу, завернувшись в плащ, а на соседней кровати – друг Жерар, по-детски засунув ладони под щеку.

«Совсем еще мальчишка!» – подумал Филипп и заснул.

Жерару тогда шел двадцать четвертый год.

Можно сказать, мужчина. А можно и не говорить.

В Камбре Филиппа захлестнули заботы.

Шутка ли, приготовить графскую квартиру!

Наследник не замедлил явиться во главе изрядного войска. А потом потянулись отряды, большие и маленькие, – это собирался арьербан, где каждого с позолоченными шпорами надо было величать сеньором, выказывать уважение и уделять внимание.

Все это свалилось на плечи графа Шароле, дорогого нашего Карла, Ужасного врагам, для всех прочих – Смелого.

Война между тем раскручивала маховик.

Пришли вести, что против короля восстало Бурбонне, что из Нормандии двигается в тяжелой силе герцог Беррийский, а король во главе жандармов направился на юг, дать по шляпе зарвавшемуся Бурбону. Карл потирал руки и довольно усмехался, однако хорошее настроение сильно портили заботы самого гнусного административного свойства. Поэтому Филиппу приходилось трудиться, чтобы в остальном жизнь будущего герцога не клевалась, а наоборот.

Советы следовали за совещаниями, артиллерия запаздывала, а люди, облеченные ответственностью (ну, вы понимаете, всякие скучные прево и бальи), прознав, что в Камбре сам наследник, осадили его с делами вовсе не военными. И ведь не пошлешь их куда подальше, так как война требует золота – раз, порядка в тылу – два.

А хотелось.

В смысле, послать куда подальше.

Только что завершилось длиннейшее, утомительное совещание.

Прибыл Луи де Сен-Поль, граф Люксембургский, привез вести о королевской армии и бургундском артиллерийском поезде, без которого много не навоюешь. Карл поинтересовался у сводного брата Антуана, какого дьявола он узнает о своих пушках не от него, а от союзника. Великий бастард не рассказал ничего внятного, тогда Сен-Поль прошелся по его незаконному происхождению. Антуан – мужчина серьезный, предложил прогуляться за город, и старому рассудительному ветерану Гийому де Конте пришлось обоим мирить, потому как наследнику – все шуточки.

Потом коллективно сочиняли письмо для старого герцога, заверяя, что все эти приготовления во имя Марса – только чтобы поугагать Валуа, а никак не для войны, упаси Господи.

Велеречивый Оливье де Ла Марш облек эпистола в подходящие формы, чтобы и глаза запорошить, и до прямого вранья не опуститься.

После прикидывали, стоит ли идти сразу на Париж или сперва прогуляться по Сомме – вернуть спорные города. А если так, то по какому маршруту: Абвиль, Сен-Кантен, Амьен или наоборот?

Карлу хотелось в Париж, что можно понять, но победило взвешенное мнение де Ла Марша и де Конте, направленное на Сомму.

– Ну что же! Осталось дожидаться пушек! – подытожил наследник, глотнул вина и вытер руки о бархатный дублет, на котором сверкало Золотое Руно. – Когда, вы говорите, будут пушки?

Сен-Поль приосанился.

– Я встретил поезд в двух переходах от Камбре, мессир. Мы шли налегке скорости ради, поэтому сильно их опередили. Думаю, что через день артиллерия подтянется.

При этих словах де Конте поморщился.

«Налегке» – это значит, что отряд люксембуржца прибыл без обоза и кормить его придется за счет графских запасов – совсем не бездонных. Взгляд его перехватил Антуан и понимающе покивал – такова жизнь, уважаемый!

– Ну что? Чем изволите еще озадачить? – Карл огляделся. – Или я могу, наконец... Ну что еще, Оливье?

– Мессир, вас дожидается поверенный от прево из округа Шиме.

– Мадонна... – граф устало уронил голову на руки. – Опять?!

– Чума, мессир.

– Этим больше некому заняться?! Я уже больше месяца назад послал им этого... как его... врача, дьявол, из Наварры...

– Я думаю...

– Я знаю, знаю. Надо выслушать человека.

– Это, господа, наверное, без меня, – Сен-Поль откланялся и покинул зал совета.

За ним последовали Великий бастард и де Конте.

В зале камбрейской ратуши, где высокие господа и совещались, появился усач в пропыленном камзоле и высоких кавалерийских сапогах. Подмел шляпой пол, поклонился.

По его словам выходило, что в городе Сен-Клер-на-Уазе происходит какой-то беспорядок. Поначалу доложили о вспышке чумы, что совсем нехорошо само по себе. Ведь чума – это такая дрянь: появится в одном месте, а потом успевай собирать трупы от Ла-Манша до Пиренеев!

Граф Шароле самолично послал туда новомодного врачевателя Игнасио Хименеса, кто произвел фурор при дворе одолением буквально любой хвори. Лопес Португалец тогда еще сомневался – чума ли? Чума редко, почти никогда не появляется вот так, в одном городке. Вот Хименес-то и должен был разобраться.

И не разобрался, видать по всему.

Потому что пропал.

И никаких вестей.

Более того, из Сен-Клера перестали приходить торговцы, а ведь там ткали чудесный атлас, да и ювелирные мастерские славились, как... ну... просто славились. Прево послал туда гонца. Пропал и тот.

Пропал и пропал – бывает, пьет, поди, в таверне. Но вот что странно и важно: налоги, которые Сен-Клер за полстолетия не

задерживал ни на день, тоже не пришли. Пять с половиной тысяч человек населения, изрядно богатеет, тысяч так тридцать турецких ливров ежегодных поступлений – хороший кусок! И прево отрядил туда арбалетчиков на всякий случай.

Полсотни опытных ухорезов.

Надо ли говорить, что пропали и ухорезы?

Вот после этого прево решился потревожить высшую власть. Потому как отвечать за недоимки в тридцать тысяч ему никакой охоты. Мало ли что придет в голову? Не прикарманил ли? Так вот, не прикарманил и даже очень печется. Насчет общественного блага, как нынче модно.

Во время долгой и обстоятельной речи наследник откровенно зевал.

– Сен-Клер-на-Уазе! Мой Бог! Почти что Константинополь! Рим! Вавилон! Троя! Иерусалим! Разрази меня гром, любезный! Я с трудом представляю, где это! В общем, так. Выдайте гонцу за добрую службу десять, нет, двадцать экю. И ради Христа, избавьте мое сиятельство от подобных вопросов!

– Все-таки тридцать тысяч ливров, мессир, – осторожно напомнил де Ла Марш. – Кроме того, Сен-Клер – это граница Шампани, не снюхались ли мерзавцы с Валуа? Ведь, если полыхнет, оттуда до Льежа рукой подать, это значит, что полыхнет и там – надо разбираться!

Мессир скривился.

– Золото, все зло от тебя! Так. Шиме – это в Эно? У нас есть губернатор этой благословенной земли – де Лален! Значит, так: напиши от моего имени тамошнему прево что-нибудь подходящее. Мол, с тревогой следим, с благодарностью принимаем, ценим его заботы, примем все меры, всенепременно. Писец перебелит набело, а добрый Оливье приклепнет мою печать и вот с этим же добрым господином обратно. Вернемся из Парижа – разберусь. Тридцать тысяч все-таки, и Льеж неподалеку. Все!!!

Графская ладонь тяжело опустилась на подлокотник.

Филипп, высунув язык от старания, тщательно выводил строчку за строчкой. Такая ответственность!

«...посему повелеваю Вашей милости направить в сказанный город еще один запрос, за чем лично проследить. Буде таковой останется без ответа, известить меня, когда выпадет возможность...»

Глава 3

Антиквар

«...когда выпадет возможность. В таком случае обещаю не оставить Вас своею помощью и вниманием. С неизменным почтением к Вашим трудам и заботам, Божьей Милостью, Карл, граф Шароле».

Дата расплылась в неразборчивую кляксу, угадывался лишь год – 1465.

Кирилл извлек из глазницы монокуляр и откинулся в кресле. Подпружиненная ненадежной пластмассой спинка издала протестный скрип.

«Черт знает что», – такое мысленное резюме.

Рука, без сомнений, та же, что и в другом документе. Даже ошибки сходные – писано тем еще грамотеем! Хотя насчет ошибок Кирилл сомневался – не было уверенности в том, насколько твердыми были правила великого и могучего французского языка в пятнадцатом веке. Он просто не помнил, забыл этот сегмент давнего своего образования.

«Торчикоозник», как изящно именовал авантюрист Петухов неизвестного наркомана, выделил на пробу шесть листов. Два письма в весовой категории записки, принадлежавших одной руке, и какой-то путевой дневник с совсем другим, практически нечитаемым почерком, на расшифровку коего истрачены половина дня и почти весь вечер.

Дневник – это такая рабочая условность, потому что с равной долей вероятности листки могли оказаться частью мемуарного сочинения. Сочинял, кстати, крайне странный персонаж.

Если атрибутировать письма сиру Филиппу де Лалену, то «дневник» принадлежит какому-то его спутнику, соратнику, а может быть, и слуге. Написано было кондовой простонародной лингвой, но

чрезвычайно тщательно – так бывает, если язык не родной, но достаточно хорошо изучен, чтобы не допускать ошибок типа «моя твоя не понимай». При этом автор то и дело сбивался в точке повествования с третьего лица на первое и наоборот в совершенно произвольной, непредсказуемой форме.

С письмами была полная ясность: депеша от имени Карла Смелого, видимо, предназначенная писцу для перебеливания, и еще одна, датированная августом 1465 года. Именно этот автограф вызвал у Ровного сомнения в подлинности.

Пришлось забраться в домашнюю библиотеку, сдуть пыль с неподражаемого де Коммина и убедиться, что «сказанный сеньор де Лален» погиб в сражении при Монлери больше чем за месяц до написания депеши. Это если верить де Коммину, а отчего, собственно, не верить? Авторитетный источник, неколебимый, как гора Монблан.

Потом пришлось сдуть пыль с собственных мозгов, так и скрипевших от позабытых усилий.

Жизнеописание брата – примадонны турнирного дела, доброго рыцаря Жака де Лалена – помогло еще меньше, так как о семье упоминалось очень скупо.

Неплохо было пролистнуть книгу Оливье де Ла Марша, который, насколько помнил Ровный, знал такие подробности о жизни бургундского двора, что страшно делается. Но старика Оливье у него не было.

– В любом случае Ла Марш нужен, – сказал Ровный вслух, чтобы рассеять пыльный архивный континуум, образовавшийся в комнате. – Где его взять? На русский не переведен из-за идеалистической перегруженности, так мало ценившейся в советские годы. А закажу-ка я его на «Амазоне»!

Amazon.com сыскал Оливье на удивление быстро. Модная и, чего греха таить, удобная сделка свершилась в виртуальном пространстве.

Пыльный континуум рассеиваться не желал, и Ровный отправился на кухню для приготовления кофе, что удалось вполне. Втянув в ноздри кусок арабского аромата, он прогромыхал чем-то в буфете, и кофе смешался с коньяком.

Часы на холодильнике домигали до полуночи, а Ровный набрал номер Петухова. Спустя три гудка на той стороне раздался голос:

– Кира, ты охренел? Сейчас меня жена поимеет – ночь на дворе!

– Петухов, не дави на жалость – ты сейчас сидишь в своем кабинете и смотришь порнуху, а спать завалишься часа через три! Я ж тебе по делу звоню.

– Ничего не порнуху, договаривался с американцем через скайп, вот и не сплю, – обиделся Петухов. – А ты чего там? Бухаешь?

– Кофе пью, – о коньяке Ровный умолчал.

– А... а то глотки такие, будто бухаешь! Что там у тебя?

– Сержант, ты, конечно, хамло необразованное, но в деле сечешь! Бумаги подлинные. И если удастся доказать, что товарищ Лален-младший был жив и здоров через месяц после собственной смерти... – тут Ровный вкусно зачмокал. – Брат, даже одну эту записку можно смело выставлять на «Сотбис». Или на «Кристи». Никаких заштатных аукционов! Быстро понюхай воздух!

Трубка засопела.

– Не понял? – судя по голосу, Петухов собирался обидеться на «хамло» да еще и «необразованное».

– Пахнет сотнями тысяч! *Сотнями тысяч* в конвертируемой валюте!

– Ну прям и сотнями...

– А как же! Ведь там целый архив, я верно тебя понимаю?

– Я думал, тысяч двадцать за него отхватить... – ошарашенно промолвил Петухов.

– Так что с архивом? Ты его видел?

– Ну там это... Видел, конечно! Ну... какие-то разрозненные бумажки, штук десять или двенадцать. Все такие же старые, с тарабарщиной. И отдельно сброшюрованная тетрадь – каждый лист

в отдельном файле, но ни обложки, ничего такого. Я так понял, что наркоманов дед считал ее отдельной книгой. Аккуратный был мужик, не то что этот упырь.

– Упырь – это наш наркуша? – уточнил Ровный.

– Нет, блин, я! Не тупи!

– Так время-то позднее. Вот кофеем заправляюсь для взбодрения мозгов, – антиквар помолчал, чтобы быстро выпалить: – Готов посылно вложиться деньгами. Пятьдесят на пятьдесят, договорились?

– Зато я не готов, – буркнул сержант. – Будешь у меня экспертом, понял?

– Тридцать процентов.

– Ты охренел, в натуре! Десять.

– Тридцать пять, – Ровный проявлял безграничную наглость.

– Во ты ваще! Наха-а-ал! Двенадцать.

Кирилл откашлялся, оставил кружку с кофе, чтобы не мешала.

– Артем! Имей совесть! Ты заплатишь наркоте максимум тысяч пять, пусть шесть – на большее у него фантазии не хватит! А в перспективе у тебя минимум двести тысяч! Евро! Без меня ты эти бумажки все равно выгодно не продашь, и ты мне при такой рентабельности пытаешься втюхать двенадцать процентов?! Имей совесть!

– Не-е-ет! – зарычал Петухов. – Это *ты* имей совесть! Мало того что я торчка нашел и развел! Так я уже вторую неделю к нему хожу с конвертами герыча на кармане! Понимаешь! Я! С «хмурым» в потных ладошках! Мимо всех ментов! Во мне радость в сорок два года залететь с героином, будто сраный барыга! И я тебе после этого отдам треть?! Ты совсем охренел, Пенежежневецких!

– Двадцать пять, – ответил антиквар, даже не обратив внимания на свою собственную прочно забытую фамилию.

– Пятнадцать.

– Двадцать пять процентов! Четверть! И считай, что я делаю большое одолжение по дружбе!

– Не больше двадцати.

– Двадцать пять, Артем. Подумай об аукционе, о двухстах тысячах и кончай сношать мне мозг.

– Ладно... уломал, блин, скотина жадная. Жду тебя завтра... нет, завтра у меня переговоры на весь день... Послезавтра. Я за тобой заеду, заберем бумажки и к наркуше – охмурять. Ты когда, вообще, машину купишь?

– Когда уеду в деревню. Не вижу смысла жить в пробках за свои деньги.

– Все с тобой ясно, Кира, – Петухов еще посопел, страдая от собственной сговорчивости. – Спать давай.

И положил трубку.

А Ровный расправился с остывшим кофе, в котором коньяк ощущался куда сильнее базового напитка, и ушел в единственную комнату квартиры. Она же кабинет, она же спальня. На единственном столе multifunctional помещения его дожидались путевые записи, а может, и мемуары.

Вот на их счет было больше непонятностей, нежели понятностей.

Кто автор?

Явно дворянин, или клирик, или буржуа из верхнего слоя – ожидать мемуаров от кого-то иного, да еще в пятнадцатом веке, когда жанр только рождался в муках, было глупо.

Тем не менее если и мемуары, то очень странные. Весь классический канон псу под хвост! Ни тебе жизнеописания в молодые годы, хотя бы кратко, ни тебе повествования от первого лица, даже элементарно представиться не изволил! Изложение настолько нетипичное, что описанные события, пожалуй, можно реконструировать и пересказать своими словами, но соотнести с любым из известных исторических памятников выйдет вряд ли.

И ведь, пожалуй, не дневник.

Дневник подчиняется датам – это закон. Мол, сегодня, такого числа, постановил подняться в шесть утра, скакать на коне до завтрака, после написать письмо матушке, отобедав, нести вечное и

доброе, а под вечер дать денщику Степану пятиалтынный. Проснулся к обеду, до вечера нес какую-то чушь, а денщику Степану дал в морду. Или как там у классика?

Хотя именно такой разудалый стиль больше всего подходит к запискам. При этом дяденька в курсе политики, в курсе придворной жизни, да еще в таких подробностях, что сомнения в сторону – все видел. Или не все, но достаточно много.

Интересная выходит история!

Кирилл уставился в пламенеющий «Гуглом» монитор компьютера, поерзал в кресле, констатировав, что трусы пропитались потом до состояния липкой ленты – такие стояли в Питере погоды.

– Глобальное потепление в действии – не соврали, сволочи... – пробормотал он, разумея Гринпис.

Пришлось вставать, брести в душ и переодеваться.

Пока нежился под струями, пока прыгал на ножке, сился прицелиться в штанину шорт, Ровный мусолил с разных сторон мысль, что депеши де Лалена и условные мемуары, несомненно, связаны.

Повествование не имело начала – отсутствовали первые страницы. Но смысл и география говорили, что неизвестный героический дед, вывезший бумаги из Третьего рейха, вывез их не просто так, а как единый комплекс, представляющий ценность именно своим единством. Разбирался, ой разбирался старик в теме!

Как минимум знал старофранцузский. Много в стране победителей было таких знающих? Можно не гадать – единицы.

– Едет, значит, наш Филипп к Монлери, а с ним едет... неопознанный субъект, – сказал Ровный, так как отличался привычкой думать вслух, конечно, без свидетелей. – И если Филипп выжил, то... так-с, что за город означен в первой депеше?

Кирилл взялся за бумаги и извлек файл.

Шиме. Областной центр. Бальяж Шиме, или, точнее, превоство.

Мол, сим извещаю вашу светлость, что с Божьей помощью прибыл в Шиме по известному делу и приступаю к... следственно-розыскным

мероприятиям.

Изрядно забытая историческая география застучалась в голову, и Ровный полез в большой атлас средневековой Европы, который купил в прошлом году за страшные деньги – едва не триста долларов. Как дань юности, конечно. Ну и на шикарный переплет позарился – уж очень солидно он выглядел. А вот как пригодилось!

Шиме – это в Геннегау. Пограничные земли с королевским доменом Франции.

Последняя сцена из имеющихся записей говорила о том самом Шиме. Город Сен-Клер-на-Уазе.

На Уазе не было никакого города Сен-Клер. Ровный все глаза проглядел и даже залез в алфавитный указатель, тоже вхолостую. «Гугл», «Яндекс» и «Яху» помогать отказались. Бездонная Википедия, к которой Кирилл привык относиться как к запасным мозгам, молчала.

Атлас современной Бельгии, которая умудрилась сохранить множество средневековых городков, показывал совершенно девственную реку Уазу в ее течении по префектуре Шиме. Нет в природе никакого Сен-Клера! И судя по историческому атласу, не было никогда.

Впрочем, это не факт.

– Очень хочется услышать голос специалиста. Ну просто никуда без специалиста! Ни-и-ику-у-уда-а-а! – пропел Ровный и прошелся по комнате, сожалея по навсегда утраченной привычке курить.

Мозгу требовался допинг.

И информация.

То есть для начала – остальные страницы записок. Потом спец по исторической географии – на примете были целых два. А пока – допинг.

Ровный-антиквар любил коньяк. Такая вот слабость обеспеченного сословия.

На встречах и переговорах часто приходилось пить виски, от которого воротило с души. Он научился разбираться в самогонных

оттенках и торфяных ароматах, уверенно различая бурбон, односолодовую гадость и, не дай Бог, купаж. Умел, то есть, поддержать беседу о достоинствах ирландского или шотландского напитка, хотя, по его внутреннему убеждению, достоинств не было вовсе.

В старорежимном буфете, который навевал ностальгию и воспоминания об очередях за югославскими гарнитурами, покоилась небольшая батарея. Ровный избрал заветную бутылку – подарок армянского коллекционера, который поразил его в сердце манерой запивать коньяк пивом («иначе нэ цэпляет, панимаишь, дарагой?»).

Бутылка была редкой – своего рода коллекционная ценность. У армянина имелся собственный виноградник, выдававший тысячу литров в год – не больше. Поэтому Кирилл берег ее для особого случая. Вот как теперь.

Угнездившись в обнимку с бокалом, Кирилл принялся перечитывать перевод записок, то и дело сверяясь с оригиналом.

Значит, действующие лица и исполнители: Филипп де Лален, Жерар де Сульмон (о такой фамилии Ровный даже не слышал), Уго де Ламье, а также жандармы, арбалетчики и прочая сволочь. Это не считая великих, вроде Карла Смелого, которые явно выступали в непривычном декоративном амплуа. Место действия – дорога на Камбре и само Камбре, с явной перспективой на мифический город Сен-Клер.

«Быть может... городу польстили? – подумал антиквар. – Мало ли – деревня, теперь поди ее отыщи!»

Но нет, пять с половиной тысяч населения, обозначенные на последней странице, – это *только теперь* даже на квартал не тянет. В пятнадцатом веке – это было круто. Крупный европейский город Нюрнберг мог похвастаться аж семью тысячами.

Или не семью, а больше?

«Как же хреново-то, а! Все забыл! Где бы данные по населению поглядеть? У Броделя? А у него вообще есть демография? Все

выветрилось! Ничего не помню! Даже коньяк не помогает».

В любом случае город – это город. Средневековый люд был весьма однозначен в этом вопросе. То есть город – это настоящая крепостная стена и в европейских реалиях – обязательный герб, означающий, что поселение является самостоятельным субъектом феодального права. Или это не город, а село.

Пять с половиной тысяч – почти стопроцентная вероятность, что город должен дожить до наших дней. Однако не дожил, если вообще был такой.

Сен-Клер...

Ровный глотнул коньяка и чуть не поперхнулся, потому что подскочил от неожиданности.

Ночную тишину просверлил звонок.

Долгий, требовательный, безостановочный.

Взгляд на часы в углу монитора: 2:38, глухая ночь.

– ...твою-то мать! – выругался Кирилл и пошел в прихожую.

Трель все не прекращалась, будто кнопку заклепили скотчем или злоумышленник просто не отпускает палец. Намерения роились самые черные. Кого несет в такую пору? Да еще вот таким образом.

– Кто там?! – грозно спросил Ровный у броневых листов, преграждавшего доступ в квартиру.

Ответом была все та же неостановимая трель.

«Ну, суки!»

Он откинул флажок глазка и уставился в абсолютную черноту. Кто-то заклепил и его, потому что на площадке вечером горела вполне пристойная лампа – это раз, два – белые ночи были в самом разгаре, и на лестницу проникало достаточно света из окон.

– Если ты, козел, сейчас не отпустишь звонок, я тебя травмирую, понял?!

Ровный был крупным мужчиной. Почти девяносто килограммов, помноженные на понятную ярость, обещали именно их – травмы.

– Не понял? Ну, считай, напросился!! – и Кирилл взялся за шпингалет первого замка.

Замок ответил троекратным лязгом.

Второй замок.

Поворачивая фиксатор задвижки, Ровный вновь прильнул к глазку в надежде рассмотреть гаденыша. Ну кто это может быть? Надрался какой-нибудь паразит до зеленых чертей или подростки хулиганят.

Но когда рассмотрел...

Руки сами закрыли оба замка до упора, накинули крюк и заперли вторую дверь.

За стеклянной гранью была темнота, но совсем не такая, как если бы скучающий гопник закрыл глазок пальцем. Почему-то Кирилл уверился, что никто глазок не закрывал.

Последнее, что предстало его ошалевшим глазам, пока вторая дверь не отсекала обзор, была рукоять, ходившая в железном теле вверх-вниз.

– Я вызываю милицию! – смог пискнуть Ровный, вовсе утратив недавнюю ярость.

Он отступил в коридор, озираясь в поисках хоть какого оружия. Собственные руки показались вдруг слабыми и тонкими, живот слишком рыхлым, а в голову пришла мысль, что ему уже сорок и он совсем не такой быстрый и сильный...

Но вовсе не это – не угроза физического насилия его напугала. Антиквар вряд ли смог бы ответить, что именно. Чудовищный, атавистический страх таился там, заставляя душу проваливаться в желудок.

И дверь – всего два слоя трехмиллиметровой стали... Всего шесть миллиметров отделяли его от тьмы на лестнице.

Добежать до телефона? И сотовый, и городской лежали в комнате. Но не было никаких сил, чтобы оторвать взгляд от двери хоть на мгновение. Антиквар был уверен, что стоит отвернуться, как дверь рухнет!

Волны липкого ужаса накатывали с той стороны, а сквозь перезвон явственно слышался скрежет по внешней обшивке. Кто-то царапал дверь, вращал ручку и все давил и давил на звонок, и звук

дрелью травмировал Кирилла, который, казалось, мог лишиться разума в любую секунду.

– Все, я вызываю милицию! – еще раз крикнул он, чтобы хоть как-то разбавить жуткий звук.

В ту же секунду во всей квартире погас свет.

Ровный невольно отскочил назад, ему померещилось, что тьма с лестницы мгновенно переместилась, ворвалась, затопив его обиталище. Его глотка против воли издала отвратительный слабый стон, и он даже не почувствовал, как с вешалки под натиском спины сыплется одежда.

Скрип и скрежет, почти неразличимые за пронзительной трелью звонка, вдруг дополнились новым звуком, который донесся из комнаты.

Кириллу послышался громкий хлопок, сменившийся перестуком, будто в кабинете плясали джигу. Последним усилием меркнувшего разума Ровный отметил, что электричества нет, а звонок продолжает работать.

Уже совсем без мыслей, со страхом поворотился он и увидел невообразимо огромную, черную, чернее самое темноты, бесформенную фигуру, танцевавшую в комнате, не касаясь пола. Ее было хорошо видно на фоне оконного прямоугольника.

Ногти антиквара вырвали долгий скрип по пластмассе дверного косяка. Ноги подкосились, и он рухнул в прихожей, чувствуя, как по подбородку течет слюна. В невыразимом ужасе, понимая, что рассудок покидает его, он закусил губу и с силой сжал челюсти.

Зубные протезы прокусили кожу, и к слюне добавилась кровь.

Резкая боль ударила в мозг, заставив его думать, осознавать себя здесь и сейчас. Боль прочистила мозг, и Ровный внезапно сообразил, что его отчего-то до сих пор никто не торопится убивать, а жуткая фигура в комнате не сдвинулась с места. Потом пришло ощущение какой-то внезапной свежести, а нос уловил терпкий запах мокрой липы и озона.

И тогда очистившиеся от наваждения глаза рассказали ему, что черный танцор – это ничто иное, как его любимые плотные занавески, бившиеся в потоках ветра. Ветер распахнул окно и теперь играет с ними, выбивая дробь тяжелым набалдашником шнура о стену. Ветер долгожданной июньской грозы.

В подтверждение громыхнул гром, а окно рассекла ветвистая молния.

Ровный поднялся.

В тот же миг загорелся свет, а место звонка заняло такое обыденное тарыхтение разгонявшегося холодильника.

Тишина.

Тишина и свет.

Тишина, нарушаемая лишь нормальными ночными звуками и упоительными ударами грома за стеной.

– Тьфу... – Ровный присовокупил длиннейшую матерную тираду. – Вот так и становятся дураками!.. Е-о-о... Фу-у-ух...

Он буквально подскочил к двери, добрался до глазка и убедился, что площадка пуста, озаряемая вполне исправной лампочкой.

– Ну кретин! – изругал он себя, припомнив, что звонок питается электричеством на одном автомате с кухней.

В комнате и прихожей погас свет, но в кухне-то он и не горел!

Чья-то идиотская шутка едва не свела с ума, а тут еще и окно распахнулось очень кстати, и свет вырубился.

Ровный распахнул дверь.

Пустая площадка, пустая лестница.

Он сбегал на пару этажей вниз и выглянул в окно, насладившись зрелищем парочки босоногих девиц, спасавшихся бегством от хлынувшего ливня. Антиквар вернулся к квартире и еще раз обозрел площадку с победным чувством возвращавшейся назад крыши. Той самой, что едва не уехала от страха пару минут назад.

– Козлы! – сказал он вслух и вознамерился шагнуть в прихожую, когда его взгляд упал на дверь.

Ровный ощутил, как недавний ужас, точнее слабый его отголосок, вновь процарапал по хребту. Лакированную поверхность двери рассекали тонкие счетверенные полосы, довольно глубокие, на первый взгляд. Кто-то исцарапал деревянную обшивку. Антиквар еще раз оглядел площадку и приложил пальцы к бороздам. При всем желании настолько широко рука не растопыривалась.

Но нынешний Кирилл сильно отличался от себя самого в пятиминутном прошлом. Мало ли чем можно испортить дверь?

Другой вопрос, кому это понадобилось?

«Стамеской постарался, педераст! – подумал он. – Или отверткой».

Но на границе сознания зрела уверенность, что не стамеска то была. И не отвертка.

Постановив не мучить себя лишними страхами, Кирилл заперся, затворил окно, жажнул коньяку и завалился спать.

Все следующее утро он провел, сканируя бумаги. И, против обыкновения, не поленился бэкапнуть файлы на съемный винчестер и ноутбук.

Если быть откровенным, утро началось в час пополудни, что для жаворонка Кирилла было почти невозможным свинством. Проснулся он с больной головой – сказалось нервное напряжение, из-за которого даже коньяк пошел «не туда».

Далее по плану была поездка в университет за мудростью исторической географии. Однако Ровный решил лениться до конца и полез в телефонную книгу. Нужная фамилия – и гудков так через девять ему ответили.

– Алло.

– Андрей Витальевич, Кирилл Ровный беспокоит, если помните такого.

– Помню, помню. Чем могу?

– Можете! Можете, Андрей Витальевич! Собственно, кроме вас вообще никто не может!

– Ну уж... В чем вопрос?

– Андрей Витальевич, мне по делам бизнеса попал в руки один... – ни с того ни с сего антиквар раздумал откровенничать, безо всяких причин, но раздумал напрочь. – Один предмет. О нем доподлинно известно, что он происходит из города Сен-Клер-на-Уазе. Это пятнадцатый век.

– Пятнадцатый век – не мой профиль... – начал было профессор, но Ровный его перебил.

– Я помню, Андрей Витальевич. Мне нужны ваши бездонные знания по исторической географии. Интересует, что это за город. Я перерыл все свои атласы и ничего не нашел. Интернет тоже молчит.

– Интернет... он всегда молчит, Кирилл, – ехидно заметил профессор, как все люди старой формации, презиравший и не понимавший «электронную нечисть». – Сен-Клер-на-Уазе?

– Именно.

– Это в Бельгии? То есть, если речь о пятнадцатом веке, в Бургундском герцогстве?

– Точнее, в графстве Геннегау.

– Тогда уж Эно, – поправил профессор. – Г-хм. Э-э-э-э-э... Так не вспомню. Дайте порыться в закромах. Я сейчас на кафедре. Так что вечером ждите. Договорились?

И повесил трубку.

Ровному импонировала манера профессора Прокофьева. Никаких тебе пустых разговоров о погоде и здоровье родственников (которых у Кирилла не имелось). У Андрея Витальевича, напротив, были пятеро детей и дюжина внуков, а еще унижительная зарплата, от которой хотелось плакать. Если вспомнить, что Прокофьев – доктор наук, настоящий, не какой-то там PhD, так и вовсе выть в голос.

Кирилл старался исправно запрашивать его консультации, не менее исправно таская конвертики с гонораром, чтобы хоть как-то помочь бывшему коллеге.

Следующим был человек иного сорта.

Некий Максим Сидорчук, выросший в некислового специалиста на тучной ниве черной археологии. Он был породистый «копарь» первой волны конца восьмидесятых – начала девяностых годов. Занимался, как водится, подъемом и реставрацией «эха войны» в виде автоматов, винтовок и прочего инвентаря.

Постепенно все хрестоматийные делянки вроде Невского пятачка и Синявинских болот были раскопаны, и, чтобы заниматься любимым ремеслом с прежней эффективностью, надо было знать архивы, места боев и номера дивизий чуть не наизусть.

В результате слесарь Сидорчук так вызубрил тему, что его голова превратилась в натуральный склад знаний по любым вопросам, связанным со Второй мировой.

Антиквар не без оснований полагал, что Макс, помнивший любые мелочи о вермахте, знает и подробности бельгийского театра военных действий, где нацисты изрядно покуролесили, обходя стороной линию Мажино.

Так и оказалось.

– Сен-Клер? – переспросил Сидорчук, чудовищно грассируя.

Эту особенность речи он привез со срочной службы в Таджикистане вместе с контузией. Любое «р» звучало в его исполнении совершенно по-одесситски, отчего люди незнакомые искренне полагали его евреем, что подтверждала Максова анекдотическая жадность.

– Уаза – это в Бельгии?

– Конкретно нужный участок – в Бельгии. Графство Геннегау. Практически на границе Франции. Префектура Шиме, если это о чем-нибудь говорит.

– О чем-нибудь говорит. Сен-Клер – хренер! Никакого Сен-Клера нету. Точно говорю, – отрезал Макс и, почуяв разочарованные расспросы, добавил: – На том участке наступала группа фон Клейста. XXIII корпус, 56-я пехотная дивизия, если быть точным. Я залез в один английский архив, там сохранились любопытные доклады из этой дивизии. Якобы у них там рота за ротой пропал целый

батальон! Высылают разведку – разведка не возвращается. Фронт наступает, ждать некогда, за такие дела могли и голову снять – пошли вперед, вышли на оперативный рубеж, а от батальона осталась тыловая рота со всякими кухнями, и все. Куда делись остальные – до сих пор никто не знает. Если интересно, могу выслать сканы документов. Ты ж на фашистском языке читаешь?

– Читаю. Высылай, – коротко ответил Ровный.

– Ну и хорошо. С тебя причитается.

– А что за архив? – спросил антиквар.

– Все тебе расскажи. Частный архив. Короче, с тебя полста евро за беспокойство. Замечания, предложения?

– Заметано.

Макс, если бы не его бескорыстная любовь с деньгам, – тоже хороший человек. Нужна информация? Плати денюжку и пользуйся. Сидорчук не считал нужным выпрашивать, для чего, из-за чего и почему возник тот или иной вопрос. Зато отвечал быстро и без запинки.

Голова болела свинцово.

К вечеру сделалось только хуже.

Ровный заглотил на обед сразу две таблетки кетанова, понимая, что с такой башкой понятие «аппетит» превращается в философскую абстракцию.

Немного покорпев над переводом, он позвонил Петухову.

Уточнили завтрашние планы, потом Петухов долго ругался, как ему досталось за поздний звонок от жены, на что Ровный подначил того, что досталось вовсе не за звонок, а за то, что жена спалила порнуху на компьютере, а бывший сержант послал приятеля на хер.

Словом, нормальная такая беседа.

– Слушай, Артем, у тебя сколько дней лежали те бумажки?

– Которые теперь у тебя?

– Они самые.

– А что?

– Просто спрашиваю! Сколько?

– Да ни сколько. Я их забрал у торчикоюзника и сразу тебе, того, отдал. Так в чем дело, Кира?

– Хотел тебя спросить... – Ровный замялся, не зная, как бы половчее сформулировать свои смутные страхи, не страхи даже – сомнения.

Потому что все его дикое ночное приключение казалось теперь дурным сном.

– Ну? – подбодрил Петухов.

– В общем, Тема, с тобой не случилось ничего странного с тех пор, как ты взялся работать с нашими документами? Вот честно?

– Честно?

– Да.

– Лечиться тебе надо, если честно. И завязывать бухать на ночь.

– Интересно, почему ты вспомнил про ночь?

– Да потому что ты, как обычно, поди, натрескался «конины», а потом кошмарики ловил по всей квартире!

– Артем, – настойчиво повторил Ровный, – почему ты заговорил про ночь?

– Да пошел ты! – универсально свернул разговор Петухов.

Пришлось идти. А куда деваться?

Глава 4

Рыцарь

Июнь салютовал войску графа Шароле небывалой жарой. Дозор превращался в пытку, потому что к доспехам было не прикоснуться – на шлемах казалось вмоготу жарить перепелов или иную мелкую птаху.

Многоопытные ветераны ухмылялись в усы, говоря обязательное «молодо-зелено», а также вспоминали горячие дела в Италии или в Испании, а то и в Африке, где довелось побывать бастарду Антуану. Жарища там не чета здешней! Тут что? Ерунда, слегка печет, а вот там – там ого-го!

А уж для турка или мавра солнце – верный союзник, доброму же христианскому рыцарю – лютый враг. И ничего, воевали, не то что нынешнее племя! И так далее, обычный стариковский репертуар.

Ветераны боролись с собственными шлемами, оборачивая их белым шелком, чтобы не так грелись. Молодежь поступала проще – вовсе не отягчала головы ненужным железом. Заступают в дозор, все красуются в открытых салдах или стальных шляпах, которые были бы приличны лучникам, но никак не тяжелой кавалерии. Через полчаса весь этот реквизит болтается притороченный к седлу или вовсе сброшен на пажеское попечение – на голове берет, перья, позолоченные бейджи – красота и легкость!

Кирасами себя утруждали лишь единицы, потому как тяжело, жарко и неизящно. Последний факт вызывал потоки брюзжания и заслуженных упреков в излишней нежности с ветеранской стороны. Непорядок! То ли дело было во времена Жанны-Девственницы!

Но старичье, оказывается, зря кряхтело и жаловалось.

Как только граф Шароле выступил в поход, города на реке Сомма пали к ножкам, сдались на милость, словом, открыли ворота.

Гийом де Конте, с самого начала настроенный скептически, шепнул другу Жерару, чтобы тот не очень задирает нос, потому что бюргерам решительно плевать, кто стрижет с них лихву: что король, что герцог – все едино, лишь бы та лихва до живого мяса не добиралась. Пока герцог добрый – будут подчиняться герцогу, так как воевать им решительно не с руки.

– Если этим горожанам прищемить хвост, будет беда, не смотри, что такие смиренные. Это они пока с ключом на подушечке, надо будет – поприветствуют алебардами, – сказал он напоследок.

Армия отваливала от Абвиля – последнего спорного города. Оставили гарнизон, сотню арбалетчиков для представительства и пошли на Париж.

Париж!

Две недели, три города, дорога в столицу открыта, а уж как брюзжали деды, сыпя песок из суставов на окружающий пейзаж! Пока же сплошные победы, роскошный лагерь и ни одного пушечного ядра в их сторону, ни одной стрелы, ни единой доброй схватки, что, кстати, немного беспокоило Филиппа. Как еще отличиться перед наследником, если не в бою?

Боями пока даже не пахло.

Замок Нелль, который пришлось брать штурмом, де Лален в расчет не принимал, так как взяли его быстро, графский арьергард поспел, когда над стенами уже реяли знамена с косыми крестами Бургундии.

Филипп помнил, как армия покидала Камбре – самый день отъезда.

Собственно, графская квартира располагалась в замке Шато-де-Линьи, в лиге от городских стен. Замок уверенно оседлал парижскую дорогу, грозя врагу мощными башнями. А вокруг раскинулся бескрайний лагерь графского войска. Так что последнюю неделю Карл провел именно там.

Ну и Филипп обрелся неподалеку – в комнате за стеной. Шамбеллан все-таки!

Утро началось с ослепительного солнечного луча прямо в глаз. Де Лален выругался, проклиная восточное расположение графских покоев. Побудки еще не играли, но, раз проснулся, пришлось кликать пажа, чтобы подавал умываться.

Выбравшись в замковый двор и всячески потянувшись, он увидел дядьку Уго, который упражнялся с большим мечом. Вокруг бегали куры, обалдевшие от такого буйства, у коновязей холили лошадей, а возле дядьки попирал солому человек в простом суконном дублете в компании еще одного, одетого куда богаче.

– Мессир де Ла Марш! Доброе утро! – поприветствовал Филипп, опознав спину в синем сукне. – И вам доброго утра...

Второй был незнаком, то есть лицо он помнил, но имя к нему никак не удавалось пристегнуть. Полузнакомец был молод и совсем недавно прибился к графскому двору.

– Это ваш тезка, сеньор Ренескюр, новый камергер! – пришел на помощь де Ла Марш, видя затруднение де Лалена.

Солнце еще не осилило замковых стен, во дворе было прохладно, и разговор сложился вполне легкий.

– Сир де Ламье – истинный Ахиллес, – похвалил новый знакомый упражнения Филиппова дядьки.

– Истинный, истинный, если б тот дожил до таких лет, – усмехнулся де Лален.

Ответом были топот, шуршание соломы, покрывавшей землю во дворе, и воинственный свист меча.

– Что же вы так, Филипп! Усердие, достойное всяческого подражания! – это Оливье огорчился из-за неуместной колкости. – Я счастлив, что этот меч будет на нашей стороне.

– Кстати, Уго никакой не сир, потому что не рыцарь, – сообщил де Лален и тут же устыдился собственной гордыни, ведь он по сей день переживал волнительные минуты обряда посвящения.

– Невелика важность! Сталь простого рутюрье разит так же верно, как и сталь рыцаря, мне ли не знать! – отмахнулся Ла Марш,

который сам не мог похвастать блистательной фамилией и добился нынешнего высокого положения безо всяких протекций.

– Да уж, ручка у него тяжеленькая... – Филипп невольно почесался, вспомнив частые трепки, что задавал ему дядька при помощи меча, секиры или обычной палки.

– Я верно понял, что этот господин – ваш учитель? – спросил камергер, который был совсем юн – ему вряд ли исполнилось восемнадцать.

– Точно так.

– Жаль, что я в свое время не попал в такие опытные руки.

– Так за чем же дело? Ловите удачу за хвост, пока есть возможность! – Филипп сложил руки рупором. – Эй, Уго! Молодой человек желает взять урок! Не составишь ли ему компанию?

Де Ламье остановился, утер лысину рукавом и сообщил, что он не «эй», а лоботрясу и лентяю неплохо бы и самому взяться за меч. Филипп со смехом сослался на лому в спине из-за слишком мягкой перины, а сеньор Ренескюр попробовал вежливо уступить место старшему – Оливье.

– Биться без доспехов – это глупо, – сообщил тот. – Новомодная германская блажь – опасно и бессмысленно. Со всем уважением к вашему искусству, господин де Ламье, ничего личного.

Он отвесил манерный поклон в сторону Уго.

Тот молча потер челюсть, рассеченную змеистым шрамом, вложил меч в ножны и прислонил его к стене. А затем поднял с земли пару шестов, которые, как и меч, доставали ему до подмышки.

Следующие минуты были заполнены деревянным треском и топотом башмаков. Юному Ренескюру не удалось выдержать ни одной схватки дольше трех ударов. Палка Уго неизменно настигала его шею, руки, а то и голову. Молодой человек совершал множество ненужных движений, много суетился, а итог бывал один – шесты сплетались в соединении, и де Ламье одним взмахом отбивал чужое оружие, одновременно нанося удар или укол.

– Сразу видно ветерана, – Оливье аж причмокнул. – Красота! Вжик, и ты уже на небесах! Но против хороших лат удар без замаха бесполезен.

– Это как посмотреть, – не согласился Филипп. – Хорошие латы рубить и с замахом бесполезно. А для укола, скажем, под мышку никакого замаха не нужно.

– Ну ты посмотри! – вновь восхитился Ла Марш очередному туше. – Всего одно движение – отбив. А в конце дуги – острием по горлу! Не зна-а-аю... Германцы, конечно, красиво придумали, но какая, право, нелепица – сражаться без доспехов. Кому такое в голову придет?

– Этому искусству больше полутора веков, – поведал Филипп. – Сеньор Тальхоффер даже трактат написал: «Готский кодекс». Есть еще книга великого Лихтенауэра, но ей уж лет сто – это рукопись, ее нигде не найти. Так вот, для боя в доспехах там свои тонкости.

– Уж какие там тонкости! Бей да руби! Ваш покойный брат был великий мастер на такие дела. Не успеешь опомниться, как сшибет наземь или выдернет оружие из рук, и тогда – держись! А уж какая сила была! Помню, как на турнире «Фонтан слез» он одним ударом секиры в шлем сбил противника с ног! Как жаль, что его нет с нами!

В это время стали звонить к заутрене, во двор потянулись люди, просыпался и лагерь за воротами. Филипп с удовольствием припомнил весь ход беседы, признал себя вполне куртуазным и, довольный, раскланялся с церемониймейстером и битым камергером. Последний, кстати, оказался не только сеньор де Ренескюр, но еще и Филипп – то есть тезка. Тезка в палочном учении совершенно уцелел, хотя щеки горели, а в глазах пылала жажда познания.

Настало время выступать.

Ну что же?

Выступили.

К полудню мимо наследника в окружении двора потянулась армия. От Проте-де-Пари (из Камбре) маршировали отряды Сен-

Поля, а из-за поворота на замок – основные силы.

Войско было по-настоящему, по-бургундски красивым.

Конница сверкала шлемами, драгоценный бархат на бригандинах, парча налатников, знамена... И совсем мало кирас.

Зато сбруя боевых коней поражала воображение. Некоторые седла стоили, пожалуй, как неплохой дом, где-нибудь возле Льежа. И совсем мало лошадей в броне, дай Бог – стальной наглавник и форбух, защищавший грудь.

Карл в окружении охраны и ближайших вельмож красовался под большим знаменем с Андреевским крестом в пламенеющих кресалах. Прямо над ним сияло солнце, словно само небо салютовало походу.

По правую руку возвышался бастард Антуан – настоящая железная башня в кирасе и массивном миланском арме. Латы напустили солнечных зайцев в глаза будущего венценосца, и тот против воли поморщился, закрывая лицо ладонью.

Антуан истолковал всю эту мимику по-своему.

– Сброд, – донеслось из-под откинутого забрала. – Толпа бездельников.

Он скривил губы, утерев пот рукой, для чего освободил ее от оков рукавицы. Рука была что надо – изрубленная, мозолистая, с буграми суставов, вовсе не похожая на ту изящную лапку, что приделал к его портрету божественный Рогир ван дер Вейден.

– Ленивые говнюки... прощения, конечно, просим, – со всей солдатской прямоотой отозвался Гийом де Конте, что занял место ошуюю Карла.

– Вот, Гийом, с самого начала не слышал от тебя доброго слова! – ответил граф. – А между тем эти ленивые говнюки только что вернули все города, которые проворонил мой любимый батюшка. Заметь, почти без единого выстрела!

– В этом-то все и дело, – Конте выругался. – В этом-то все и дело, что почти без выстрела. Не думай, Шарль, что все так чудесно продолжится.

– Да-да. Король ведет своих ребят к Парижу, а среди них есть отменные рубаки, – поддакнул Антуан. – Готов спорить, что здесь только двадцать на сотню умеют держать копье! Королевские жандармы с легкостью разгонят всю эту сладкую компашку, не дай Бог, конечно.

– Ерунда! – воинственно сказал Сен-Поль, оглаживая разыгравшегося коня. – Они верны и отважны – это главное!

Здесь каждый готов умереть за общее дело – такая армия непобедима. Это я вам говорю!

– Умереть? Пф-ф-ф! Это просто величайшее достижение военного искусства! – де Конте с трудом удержался, чтобы не сплунуть. – Это просто черт знает какое достижение! Лучше бы они потратили кусочек верности на закупку кирас и поножей. Куда полезнее этих тряпок. Дойдет дело до осады – они ж своими табарами жопы подтирать станут, помяните мое слово.

Сен-Поль – главнокомандующий армии Лиги Общественного блага – единственный из всех надел для парада лишь шлем, замаскировав отсутствие доспехов парчовым налатником. Глаза ветерана многих боев, Конте, говорили всем желающим, что он думает о таком командире.

За конницей шла пехота, много пехоты, на которую, если честно, была главная надежда. Роты вольных аршеров, фламандские пикинеры, а также пятьсот английских лучников, которых прислал сам Эдуард IV. Эти выглядели настоящими головорезами – высокие, крепкие, как на подбор, увешанные оружием от пяток до глаз, не считая грозных своих луков, что покоились на плечах со спущенными тетивами.

За пехотой ехали пушки, тридцать пять штук – лучший артиллерийский поезд во всей Европе.

От замка, путаясь в долгополом упелянде, прибежал каштелян, сопровождаемый дочкой. Ну... кажется, это была дочка. А может, и любовница. Вполне годная такая девка в бархате, с румяной

физиономией, съехавшим на ухо колпаком, в руках поднос, на подносе два кубка.

– Ваша... ваша светлость! – польстил каштелян графу, который, как его ни поверни, был всего лишь сиятельством.

Каштелян был одышливый и толстый, смотреть на него было неприятно. Поэтому наследник и все собравшиеся стали смотреть на предполагаемую дочку.

– Ваша светлость! Позвольте... – он подтолкнул спутницу, совершенно раскрасневшуюся от внимания, ухватил кубок, намекая, что второй – для светлости. – За вашу победу над Валуа! Сломите тирана во славу Бургундии и вашей будущей королевской короны! Это стоит любых усилий!

– Хм-м-м-м... – граф подхватил кубок, разглядывая его на солнце, для чего поднял в самый зенит. – Отлично сказано, любезный! Валуа стоит короны!

Золотистый огонь переключался в сиятельную глотку, а сиятельная длань хватала кубок о камень. Звон стекла, ехавшего из далекой Богемии, чтобы разлететься брызгами о бургундский камень, послужил сигналом, армия двинулась на Париж.

Под столицей наконец началась настоящая война. Это, конечно, для Жерара и прочей молодежи, ничего не нюхавшей – ни пороху, ни двойного доспеха, ни караула с четырех до пяти, когда глаза слипаются, а латы кажутся тяжелее квинтала.

Гарнизон заперся накрепко.

В ответ на предложение графа сдаться королевский маршал Жоакен Руо ответил что-то очень куртуазное. Вроде «приди и возьми». Шарль приказал де Сен-Полю, чтобы тот повелел армии прийти и взять, пока хоть что-то дают, и началось!

– Сир! На том берегу ручья две сотни арбалетчиков, стоят на переправе, сукины дети, мать их так, черт задери! – прокричал Филипп, подскакивая к Сен-Полю, который не пожелал возглавлять лично ничего, кроме авангарда.

Де Лален вызвался в передовой корпус, а потом в дальний дозор, несмотря на безостановочное брюзжание Уго.

Горизонт грызли зубцами парижские стены, впереди лежали предместья, а вокруг растекалось мятежное войско. План был прост и надежен, как удар фальшиона^[1] в промежность: авангард переправляется через ручей в центре и связывает боем силы гарнизона, фланги охватывают врага, опрокидывают и на его плечах врываются в город.

Сразу после заутрени граф бросил войска в огонь.

Солнце начало карабкаться с востока на запад, выбивая из пейзажа длинные жидкие тени на траву, а также пот из людей и коней. За спинами авангарда поднимался дым и воняло паленой соломой – это лучники сгоряча запалили пару скирд.

За ручьем суетились людишки, спешившие убраться из-под удара. Лишь одна сплоченная группа двигалась в обратном направлении – от тесных улиц деревни к переправе. До них было далековато, но шеренга огромных павез с лилиями на лазури, выстроившаяся вдоль берега, не позволяла сомневаться – это арбалетчики.

– Ты куда собрался?! – крикнул в де Лалену спину Уго. – Вот сейчас вдарят из-за щитов!

– Да уж, ближе подъезжать не стоит, – подтвердил один из люксембургских жандармов, поворачивая коня. – Мы ж в дозоре, а тут и так все ясно!

Филипп послушался и повел маленький отряд в расположение, что находилось за холмом, где была хоть какая-то тень. Там он доложил об арбалетчиках, на что Сен-Поль, багровый от жары и лишнего сала, сказал, что обожает арбалетчиков.

– Стоят плотно, стреляют недалеко. А ну-ка поджарьте мне их! – заключил он и отправил вперед четыре кулеврины под охраной роты лучников.

Кулеврины были страсть какие модные, с подъемным стволом на дугах и сменными каморами. На взгляд Филиппа, они здорово смахивали на кузнечиков, а в их полезность он не верил вообще.

И зря не верил.

Пушки развернулись в трехстах туазах от вражеской шеренги. Очень предусмотрительно, между прочим: арбалетные болты туда долетали плохо и совсем не прицельно. Извозные битюги ушли назад, а возле стальных с деревом кузнечиков завозилась прислуга.

Давай, мол, давай! Картуз, ядро, пыж. Прибивай, не стесняйся!

Из-за ручья полетели редкие болты, и тут в ответ громыхнуло: кара-бум-с!

Двойное облачко белого дыма: одно маленькое – из затравки, второе солидное – из жерла. Одинокий черный мячик перемахнул через головы арбалетчиков, выбив фонтан штукатурки из угла дома в доброй сотне шагов позади.

«Так я и думал – бесполезное дерьмо!» – решил было Филипп, успевший за дни похода прочно вспомнить некуртуазную солдатскую лингву.

В подтверждение из-за павез донеслись издевательские крики, а один шутник, чтобы не возникло сомнений в содержании – триста туазов все-таки, – выбежал на берег и показал бургундцам голый зад.

Кара-бум-с! – рявкнула вторая пушка, подпрыгнув и откатившись.

Ручей расцвел водяным столбом, брызги засияли на солнце, а веселого француза как ветром сдуло. Прекратил гаденыш демонстрировать голубые внутренности, подхватил штаны и метнулся к своим.

Ду-дум-м-м!!! – третья кулеврина.

Перелет!

Теперь ругаться стал уже начальник над этим артиллерийским свинарником. Мать же вашу, а! Нарожала мама-Родина говнюков на мою бургундскую голову! Банник в задницу без масла! Свинская богоматерь!

Пушкарки вняли, завозились, переставляя шкворни на подъемных дугах.

Новые каморы влезли в пазы, как папа в маму. Пальники пали к затравкам.

Кара-кара-кара-бум-с!!!

Четыре ядра разодрали горячий воздух – р-р-ры-м-м-м!

Одно почти причесало солдатские каски, второе вонзилось в илистый берег и там кануло, а два других, о-о-о!

Два других прились куда надо!

В стороны брызнули щепы, королевские лилии и лазурь со щитов, а за ними кровавые борозды – павезьер и два арбалетчика – в дымное мясо, только сопля полетели! Но королевские ребята оказались крепкие. Не побежали, даже стрелять не начали – потому как бесполезно, а стрелы надо поберечь для тех, кто выстраивается позади пушек и вот-вот рванет на переправу.

Сен-Поль в самом деле отдал приказ, и жандармы с лучниками на флангах потянулись из-за холма в поле.

Две сотни молодцев, а еще две в качестве сюрприза продолжали прятаться.

Кулеврины дали еще залп, и еще. И еще.

Командирские богохульства и добрая пристрелка дали результат. Ядра раз за разом ложились в шеренгу, над полем плавал белый дым, а вонь горячей травы заметно разбавило вонью тухлых яиц от пороха.

Когда пушечный рокот прерывался, из-за ручья слышался вой: о-о-о-ой-а-а-а-м-м-м-а-м-а-о-о-о-у-у-у!!! Перед поредевшим отрядом катался человек с рукой, оторванной по плечо. Шлем слетел, а кольчужный капюшон сбился на лицо, открывая лишь раззявленный рот, который и издавал это «о-у-о-у».

– Хоть бы добились, м-да, – сказал командир-жандарм, поставивший коня в стремя с Сен-Полевым скакуном. – Не пора ли атаковать?

Люксембуржец, яростно начесывавший бороду под шлемом, ответил в том духе, что хренушки. Арбалетчиков там еще с

полтора, на переправе они нас причешут, пусть их, торопиться не надо и так далее.

– Пока не бегут, но побегут, – закончил он.

И правда, кулеврины дали еще пяток хороших залпов (кара-бум-с!), строй стрелков дрогнул, сломался, кое-кто на флангах начал осторожно отступать, а когда очередное ядро уложило сразу троих, разбрызгав их мозги на товарищей, побежали уже все и в полную силу, не оглядываясь.

Среди панической волны бессильно метался капитан в нагруднике и барбюте, лупя плоскостью меча убежавших: стой, куда, сукины свиньи, чертовы лошаки, чтоб вас, блядей, на толчке разорвало, м-м-мать!!!

Да куда там!

Очень уж парни впечатлились, и трудно их осуждать!

Соискатель коннетабльского жезла, наш дорогой Луи де Сен-Поль, перестал чухать бороду, втянул воздух и изрек с историческим выражением лица:

– Обожаю запах горелого пороха! Так пахнет победа! Вперед!

И взмахнул шестопером, мол, все, кто меня любит, за мной.

Сам, впрочем, никуда не поехал, так что «за мной» получилось не вполне по-рыцарски, вроде как «передо мной».

Знаменосец качнул знаменем с люксембургским львом – злобной красной зверюгой с двумя хвостами и здоровенным членом, вышитым с большой любовью, и конница повалила к переправе.

– Шагом! Шагом! – надрывались кондукторы, сдерживая атакующий порыв жандармов.

На флангах маршировали лучники, а из-за холма выкатывалась вторая колонна.

Возле ручья какому-то молодому дворянину надоело, а может быть, просто не справился с конем – поскакал, полетел, сокол, вздымая тучи брызг! Недавно стройная шеренга сломалась, и жандармы тяжким галопом и совсем уже нестройной толпой выскочили на ту сторону, втягиваясь между домов предместья.

Там их уже ждали.

Из окон ударили арбалеты, а улицы вдруг наполнила волна гомонящих пикинеров.

– Что они делают, сволочи! – рычал Сен-Поль. – Разверните их назад! Кто-нибудь!

Де Лален был тем самым рыцарем, что поломал строй, а заодно план атаки. Он бы сам не смог объяснить, что случилось. Просто... так вышло. Шпоры вонзились в конские бока, копьё привычно упало на фокр... А сзади с жуткими германскими ругательствами догоняет верный Уго, а по бокам – его жандармы. Вперед, вперед!

Первый порыв спас ему жизнь.

Арбалетчики пропустили малочисленный, а потому неинтересный отряд, а уж по следующей густой волне стегнули в упор как надо! Да еще сверху, из окон – прямо в спины!

Королевские пикинеры не успели сомкнуться перед Филиппом. Оно понятно – половина гарнизонных вояк только что получила оружие из арсенала. Многие удивлялись: что за длинные штуковины? Деревяшка и деревяшка. Словом – те еще богатыри. На счастье молодого рыцаря.

Он врубился в толпу, которая не успела превратиться в строй. Копьё глухо чавкнуло, вонзившись в чей-то живот, прикрытый стеганным жаком, страшный удар едва не вывернул его из седла, но древко сломалось и он смог усидеть. А Филипп уже тянул большой меч из ножен у седла.

Его попытались схватить, но обученный конь вмазал передними копытами, встав на дыбы, а потом отбил и задними. Де Лален выхватил оружие и принялся полосовать с двух рук окрест, целясь в прыгающую картинку, в которую вдруг превратился мир, – прорезь салада.

На задворках мысли вспыхнула радость по поводу новенькой миланской бригадины, такой легкой и гибкой, что совсем не мешает вертеться в седле. Вспыхнула и погасла.

Серая, льняная какая-то масса горожан делалась все плотнее, он едва успевал отмахивать клинком сыплющиеся удары, и вот кто-то шустрый с хорошего замаха ткнул пикой в лицо. Наконечник безвредно скрежетнул по забралу, но толчок был силен – Филиппа отбросило на заднюю луку.

И вот его уже схватили за налокотник, а чей-то фальшион взлетает и падает: по набедреннику, по животу, и опять по животу.

Не больно.

И почти безопасно.

Пока.

Ведь не размахнуться, не ударить в это гнусное небритое лицо под круглой каской! На губах кровь и соль, и рвется с губ не то рев, не то вой... Потому что краем глаза видно, что не толпа уже перед ним, а шеренга, и все ближе ее пик, и никуда не деться с улицы...

Но вдруг лицо, и фальшион, и каска круглая отлетели в сторону, сбитые чудовищной силой атакующего коня. Лязгнул латный форбух, и раздался хриплый бас де Ламье:

– Ворочаем отсюда! Быстро, в проулок!

Не полагаясь на Филиппову сообразительность, он ухватил повод его коня и рванул того направо, на боковое ответвление улицы, пока еще не занятое людьми в стеганых жаках.

На берег выбрались быстро и без приключений.

Туда же откатились уцелевшие жандармы с улицы, которых оказалось на удивление много. После мясорубки между домов де Лален был уверен, что обратно доедут лишь единицы, – но нет.

Кондукторы метались между бойцами, равняли шеренги, и висела над свалкой команда: спешиться!

Ну что же – разумно. Спешились, пока лучники стреляли вдоль улиц, а через ручей переваливала вторая колонна. Когда, наконец, собрались атаковать вторично, оказалось, что некого атаковать.

Хитрый маршал Руо увидел, что его войско вот-вот охватят с флангов, и отдал приказ драпать в панике за стены. Это любимая

команда любого ополчения! Выполняют с невероятной скоростью, обгоняя блеск собственных пяток.

Короче говоря, графские парни прошли через предместье и уперлись лбами в крепкие парижские ворота. Лбы тоже крепкие, но заметно уступают в этом качестве воротам.

Пришлось поворачивать под издевательский хохот со стен, что обидно. Со стен вдобавок взяли моду бабахать из пушек, что обидно вдвойне.

Когда же пришла весть, что вся королевская армия не далее как в двух дневных переходах от столицы, Карл, уж на что смелый, а и тот решил, что ну его. Бургундия отходила к деревне Монлери, что на юг от Парижа.

То есть вроде бы и отступление, а вроде и навстречу королевскому войску.

То есть сохранили лицо и уважение. А это важно.

Глава 5

Антиквар

Вечером Ровному позвонил профессор Прокофьев. «Нанес звонок», – по его собственному выражению.

– Здравствуйте, Кирилл, – сказал он. – Я осмелился нанести вам звонок в столь неуместное время...

– Что вы, что вы! – уверил его Ровный универсальной русской идиомой нормальности, приличности и своевременности.

– Точно так. У меня результат по вашему дневному запросу, но он такой неоднозначный, что лучше бы вам, то есть нам, переговорить тет-а-тет. Вам когда удобно?

Антиквар пожал плечами, как будто собеседник мог его видеть.

– Мне все равно, хоть сейчас...

– Вот и чудесно! – подхватил Прокофьев. – Заходите немедленно, благо Ирочка с потомством на даче, мы никому не помешаем. Так зайдете?

В профессорском голосе слышалось столько надежды, что Кирилл не смог отказаться, да и не хотел. Заняться было решительно нечем, а Андрей Витальевич квартировал на углу проспекта Энгельса и улицы Асафьева, что в десяти минутах от Озерков. Надо думать, что Кирилл вряд ли подорвался бы в захолустное Купчино – на другой конец города, но в таком радиусе его легкость на подъем вполне срабатывала.

Взгляд на часы – пол-одиннадцатого.

За окном доступное городу упоение: только что проморосил дождь, осадив пыль, машин уже немного, вечерняя жара разбавлена ароматом сирени, а не только бензиновым паром. Да и хотелось, хотелось прогуляться! Душа требовала.

Голосовой распознаватель в голове Кирилла безошибочно выделил в профессорских обертонах жажду, да и намек насчет

отсутствующей супруги был достаточно прозрачен. Так что антиквар отправился не один, а в компании коньяка «Хеннесси» (калибр ноль семьдесят пять), к которому прилагался конверт с гонораром.

Упоительная белая ночь схватила антиквара в объятия и унесла в недолгий путь, подарив ностальгию по лесам, загороду и даче с шашлыками.

Перспект мельтешил личными авто, которые торопились вырваться в сельскую местность, только напрасно, напрасно палили бензин непродуманные владельцы стальных коней! На выезде из города их ждала беспощадная пятничная пробка, которой бы рассосаться часам к девяти, но нет – стоят машины, жгут топливо и нервы, и с каждой минутой их все больше!

Приметы часового сидения на Выборгском шоссе, ожидающие всех запоздавших, вымели из головы антиквара шашлычную мечту. Ботинки же исправно отмеряли асфальт по знакомому маршруту мимо суетных витрин с узкоглазыми едальнями, сулившими суши из минтая, летних террас разливочных, что хвастались закордонным пивом. Пиво, понятное дело, происходило из кранов вездесущей «Балтики», обосновавшейся неподалеку в промзоне «Парнас».

Скоро показался угловой дом, почти чистый двор под сенью лип, а там и до третьего этажа недалеко.

– Добрый вечер, Кирилл! – профессор распахнул дверь и заволоч Ровного в прихожую.

Это был высокий седоусый дядька со следами спортивного телосложения. Он носил очки в тонкой оправе и хлопчатую летнюю пару. В прихожей разыгралась обычная пантомима – антиквар пытался снять туфли, а профессор не позволял. Тогда Ровный одарил его конвертом и бутылку, вызвав обязательное:

– Ну что вы, Кирилл, зачем это, Господи, неужели я так не помогу!? – конверт, впрочем, незаметно исчез, а коньяк утвердился по генетической советской традиции на кухне.

Там же утвердились и оба приятеля.

– Говорят, по такой жаре лучше угощаться ромом, – сказал антиквар после первой.

– Свистят! – уверенно отсек Прокофьев. – Ром – это хорошо, нет слов! Но коньяк, как утверждал артист Леонов, – это всегда полезно! Или от всего? Словом, я ему верю! А вы?

Ровный, ясное дело, тоже верил. Тем более ему остро хотелось выпить, так как вчерашнее похмелье перевалило в ту омерзительную фазу, когда таблетки уже не помогают и остается или честно задряхнуть часов на десять, или обратиться к гомеопатии. То есть выбить клин клином.

Повздыхали о необязательном, а именно – об утраченном навсегда здоровье.

Мол, раньше о-о-о-о! Ого-го! А теперь? Похмелье, головная боль и никакого наслаждения.

И не смущал обоих тот факт, что «раньше» для одного закончилось пятнадцать лет назад, а для другого – все тридцать пять. Подумаешь!

Потом хозяин похвастался презентом – монографией «Сексуальные позиции эпохи Возрождения», что написал неугомонный профессор Неверов на основе похабщины, обнаруженной при реставрации базилики Святого Петра под фресками. Похабщину в свое время изобразил Микельанджело Буанаротти, борясь с тоской, пока подвозили краску для очередного библейского сюжета. Богатая, в общем, тема. Неисчерпаемая.

Грамму этак к двухсотому добрались и до дела.

Прокофьев сбегал в кабинет и вернулся с папочкой на завязках.

– Странная история, Кирилл, с этим вашим городом. Я, право слово, никогда в жизни не додумался бы рыться, если бы не вы. Кому он нужен, этот Сен-Клер? Может, какие-нибудь местные краеведы из бешеных рылись? Мне про то неведомо.

– А что в итоге, Андрей Витальевич? – Ровный прибрал папку.

– В итоге... – профессор задумался, отпил коньяку, встал из-за стола, походил, сел на место. – В итоге какая-то подозрительная

чушь. Насколько я могу судить, город известен с конца тринадцатого века. Ну, то есть мне известен из доступных, так сказать, источников.

– Погодите, погодите! – антиквар вскинул ладонь. – Так он вообще существует, этот город?

Прокофьев довольно рассмеялся и освежил бокалы.

– В том-то и дело, Кирилл, что не существует! Последнее упоминание относится к 1431 году, «Хроника графов Эно» – это такое мелкое, тенденциозное летописание Баварской династии, чтобы все было, как у больших дяденек. Династия графов Баварских и Штраубинских – это такой неудачный феодальный проект. Сперва владели неплохим куском: Голландия, Зеландия и Эно, а потом из-за династических браков остались с одним лишь Эно. Последняя графиня Якоба, которая и заказала хронику, пыталась бодаться с самим Филиппом Добрым – герцогом Бургундским, который слабую женщину окончательно обидел, став при ней регентом. А когда она умерла в 1436 году, Эно отошло Бургундии...

– Интересно! И где же тут Сен-Клер? – Ровный решил направить профессора в нужное русло, потому что по глазам видел – о династических хитросплетениях тот будет говорить до завтра.

– А! Ну так вот! В «Хронике» указано, что графиня посещала с инспекцией префектуру Шиме, добравшись и до нашего городишки. Это пограничная земля – важное, в общем, место. Есть пара упоминаний раньше. Вот например, в 1415 году французская армия, собиравшаяся к Азенкуру, изрядно погуляла в графстве Эно, так как те были союзниками англичан. Ну, Азенкур! – Прокофьев поднял взгляд на Кирилла, как бы подбадривая к ответной реплике.

– За кого вы меня принимаете? – ненатурально оскорбился тот. – Битва при Азенкуре, Генрих V, победа англичан. И что с того?

– Так вот, героический наш Сен-Клер-на-Уазе врагу не сдался и целых три дня отражал интервенцию – это в Хронике написано. Французы сей факт не подтверждают и вообще ни о каком Сен-Клере не упоминают.

– И все?

– Нет, не все. В папочке есть ксерокопия... Литография с какой-то старой карты, чуть не четырнадцатого века. На ней Сен-Клер имеется. И все, дальше полный молчок – как не было городка!

– Эпидемия? – предположил Ровный, вспомнив сквозь ненавязчивый коньячный туман, что в анонимных записках упоминался такой вариант.

– Вот в этом-то и заключается странность! Не мог целый город исчезнуть, даже если бы жители вымерли поголовно! Что, кстати, вряд ли – это ж не Великая Чума четырнадцатого столетия! В тридцатые годы следующего века ни о каких катастрофах подобного масштаба и речи не было! Ну допустим, все перемерли от простуды с поносом. И что? Город на реке, город пограничный – важный, то есть, пункт. Есть укрепления, инфраструктура – никто не стал бы его бросать! Это же Европа! Каждый кусочек земли на счету!

– Согласен, – кивнул гость. – Сам об этом думал. Однако факт – нет города! Самые подробные карты говорят, что там нет ничего. Я даже заплатил за космическую фотографию Бельгии – там такие подробности... черт, там даже общественные сортиры на улицах разглядеть можно! Если бы от города остались развалины, их бы с орбиты зафиксировали, это точно. Но даже развалин нету!

– Вот такой казус, – развел руками профессор. – Был да сплыл. Не забывайте, Кирилл, про коньяк!

Ровный не забывал.

Угостившись еще, Прокофьев посоветовал разузнать у спецов по Второй мировой войне, когда картография была на самом высоком уровне, а военный театр оказался уж очень нагруженный. Антиквар сообщил, что уже, что спецы в голос кричат, что нет там никакого города, зато в том районе пропал целый полк.

– Вот так вот! – хозяин поднял наставительный палец. – А вы говорите: Западная Европа, плюнуть некуда, все изучено! Вот! Сколько нам еще открытий чудных готовит просвещения век! Или не век... Европейский брег! Давай, Кирилл, за Европу, колыбель современной цивилизации. Хоть и мерзкая в конечном итоге

получилась цивилизация, а как ни крути, родом мы все из нее родимой!

Антиквар начинание поддержал, не обидевшись на «давай», – профессор всегда неожиданно переходил на «ты», а Ровный был не против. Тридцать лет разницы все-таки. Выпили за старушку Европу.

И тут в кармане распиликался переносной телефон.

– Простите... – на экране требовательно сверкала фамилия – Петухов. – Партнер звонит, что-то важное, а то с чего бы он в час ночи?

– Ничего, ничего, общайтесь спокойно, а я до ветру... – сообщил профессор, удаляясь в «доветренное» помещение.

– Да!

– Звезда! – передразнила трубка петуховским голосом. – Чего не спишь?

– А надо?

– Не надо. Просто ты всегда материшься, когда я ночью звоню, – Петухов хмыкнул. – Раз не дрыхнешь, значит, опять бухаешь!

– Не бухаю, а провожу консультацию по нашему делу, между прочим, не жалея печени, – поправил товарища Кирилл. – Ты будто не знаешь обстановку! У нас же как? Если толковый человек, то непременно пьяница.

В ванной комнате громко заструилась вода, и Ровный не боялся, что профессор услышит такую нелюбезность. Да и глуховат стал с годами Андрей Витальевич.

Петухов опять хмыкнул.

– Короче, консультант! Наше дело... в общем, так... ну это...

– Облом? – предположил Ровный.

– Типун тебе на язык! Облом! Скажешь тоже! У меня обломов не бывает! – Петухов, несомненно, себе сильно льстил, но антиквар перебивать не осмелился за явной глупостью неизбежной в таком случае дискуссии. – Нет! Все в силе, просто пришлось ускориться. Я заскочил к нашему клиенту без тебя и выкупил бумаги. Пришлось, понимаешь, действовать быстро.

– В чем дело? Конкуренты подперли?

– Да какие, в задницу, конкуренты... Короче, умник, архив наш в сейфе, завтра жду тебя в полдень, понял? И не вздумай дышать на жену перегарищем, она этого не любит, ты в курсе. В общем, советую сворачивать пьянку и отсыпаться, тебе завтра работать не покладая на. Вопросы, предложения?

– Хамло ты, Петухов.

– Сам хамло, – неоригинально ответил Петухов и дал отбой.

Вернулся тактичный профессор.

– Поговорили?

– Так точно.

– У меня к вам просьба. Не в службу, а в дружбу. Если вам удастся раскопать про этот Сен-Клер – поделитесь! Уж очень оно загадочно, а мне как специалисту – благородный вызов. Ну и я, со своей стороны, буду рыть и держать вас в курсе, хорошо?

– Договорились! – ответил Ровный, глядя в профессорские глаза, такие любопытные, что сил нет.

Следующее утро началось, как положено породистому жаворонку, в семь часов или около того.

Встав, антиквар констатировал, что выпито вчера ровно столько, сколько полезно для здоровья. Для здоровья же исполнил зарядку и, повизгивая, покрутился под холодным душем. Хотя какой там «холодный» при такой жарнице за бортом? К десяти утра термометр вскарабкался до отметки двадцать три градуса, а «Гисметео» из сетевых недр грозило тридцатью, что ли, пятью в полдень. Ад длился уже третью неделю с редкими перерывами на дождь.

Ровный распугал на кухне утренних мух и отправился принимать второй завтрак в итальянскую ресторацию.

Ресторация располагалась ровно под окнами в полуподвале приснопамятного «Бада-бума». Из достоинств: рядом, хорошее кофе и ностальгия, так как именно этому грандиозному ларьку антиквар был обязан своей антикварной судьбой.

К тому же это в девяностых он был грандиозным. Теперь на фоне кубической «Меги» его четыре тысячи метров казались милыми и уютными, а когда-то скандальная архитектура навевала тоску о чем-то светлом и недолгом, как демократия в России.

В ресторации Ровный поглотил некоторое количество еды и прицелился на две большие кружки эспрессо, подавив предательскую мыслишку о холодном пиве. Не то чтобы его смущало питание по утрам – в сорок лет, что помножены на изрядный алкогольный стаж, подобные условности уже не пугают.

Пугало соображение иного рода.

А именно – нюх и характер мадам Петуховой, кажется, третьей жены его друга.

Тот питал пристрастие к томным фифам с долгими ногами, обязательно лет на пятнадцать моложе. Фифам очень льстил факт замужества с «Мерседесом» и четырехкомнатными апартаментами на Петроградской стороне. Отличительной их особенностью был неизменно дурной нрав, любовь к атрибутам успеха и полное отсутствие в том месте, где людям положен мозг.

Нынешняя мадам не была исключением. Более того, уверенно претендовала на чемпионские показатели.

Татьяна Римская (в девичестве), двадцати четырех лет, на первый взгляд совсем не дура. Экономическое образование, интеллигентская династия в третьем поколении, красный диплом и художественная гимнастика в недалеком детстве.

Второй взгляд раскрывал глубины вовсе не радужные.

В ее хорошенькую головку был встроен калькулятор, отменно управлявший приростом личного благосостояния. Более ничем он не управлял, отчего норы у девочки был такой, что Кирилл радовался собственной холостяцкой доле.

Так вот, «друзей-дебилов» своего супруга она ненавидела. А запах алкоголя вызывал у нее состояние бешенства, что скверно сказывалось на нервах. Петухов еще не наигрался, отчего все

выходки сносил. Словом, от пива пришлось отказаться, хотя хотелось.

«Кстати, о Петухове! – подумал Ровный. – И чего это мы не звоним?»

Не прекращая уничтожать кофе, антиквар взялся за трубку и набрал номер. В ответ ему сообщили, что абонент выключен или находится вне зоны действия сети.

Странно.

Даже очень!

Позвонил еще раз. И еще. И еще.

Та же ерунда.

Оставалось предположить, что у Петухова в кои-то веки разрядился мобильный аппарат – вполне возможное объяснение, хоть и крайне нетипичное для коммерсанта. Был у Петухова еще один телефон, но он его секретил, приберегая для неизбежных в его ситуации любовниц. В сей разряд Ровному хода не было, поэтому номера он не знал.

Домашний телефон Артем уничтожил давным-давно, оставался интернет.

Выйдя в сеть с мобильного, Кирилл убедился, что абонент офлайн. И в скайпе, и во «ВКонтакте», и вообще везде.

– Ну, блин! – буркнул Ровный и, прикончив кофе, пошел к метро.

С Озерков по прямой ветке до Петроградской, а там пешим ходом до Большого проспекта, дом 61 – сплошное удовольствие, а не прогулка.

Квартира в невозможно питерском доме серой масти досталась Петухову от деда – генерального конструктора чего-то важного в советскую пору. Ровный в общих чертах представлял делишки своего друга, чтобы понимать полную нереальность покупки такой пафосной жилплощади, где квадратный метр догонял в стоимости среднюю иномарку.

Повезло бывшему сержанту с родней!

Дом с башенкой, во дворе антикварный люк канализации с надписью по ободу: «И. С. Силинь. Петроградъ». Да еще четыре комнаты!

Ровный проник во двор и долго мялся у молчавшего домофона. То проклиная Петухова, то глядя на часы, то терзая сотовый. Когда хронометр показал четверть первого, а телефон продолжал молчать, дверь распахнулась изнутри, выпустив свору девчушек летнего вида, которые принялись прыскать и перешептываться, согласно обычаю этого племени, пока антиквар входил в подъезд.

Пятый этаж, дверь, прятавшая под дубом натурально сейфовую створку, и звонок с идиотским соловьиным пересвистом. Электрическая птичка успела спеть свои песни раз двадцать, пока Ровный не удостоверился, что приятель и деловой партнер его игнорирует, продинамил то есть, самым скотским манером.

Ткнул дверь кулаком. А после, в сердцах, ногой. Площадка отозвалась гулким эхом и шипением Кирилла, позабывшего о сандалиях на босу ногу, что не были приспособлены к сокрушению бронированных предметов.

– Твою ж мать! – выругался Ровный и дернул ручку.

Дверь неожиданно поддалась.

– Ой, – сказал он. – Есть кто дома? Я вхожу.

Из проема на него пахло кондиционированной прохладой и почему-то запахом мясного ряда на рынке. В коридоре вились взволнованные мухи. Много мух.

– Алло! Петухов! У тебя что, холодильник сломался? – быстрый взгляд на пульт сигнализации – пульт пламенел зеленым диодом, то есть был выключен. – Эй! Таня! Артем! Что за шутки?

Ровный посмотрел вдоль коридора на кухню – пусто.

Прошелся до ближайшей двери, за которой скрывалась гостиная. Пусто.

А когда наступил черед супружеской спальни...

Пахло рынком именно отсюда.

Кирилл задохнулся и отступил, а скорее даже отпрыгнул назад, запнувшись о порожек. Руки его были прижаты ко рту, из которого рвались наружу звериный вопль и волна рвоты.

Это была больше не спальня – бойня.

Новый интерьер находился за пределами восприятия в нормальных человеческих терминах. Именно поэтому Кирилл удержался и от крика, и от рвоты, настолько увиденное превосходило его рассудок.

Бывший сержант, а теперь и бывший успешный бизнесмен Петухов лежал на собственной кровати с выпущенными кишками, которые разматывали петли до пола. Живот распорот, грудина вскрыта так, что наружу торчали ребра, как шпангоуты разбившегося на рифах корабля. Лицо, буквально вмятое внутрь черепа, страшный оскаленный рот, а через разорванную щеку вываливался на подушку черный от крови язык.

Все, буквально все было залито кровью.

В проходе между стеной и кроватью лежала Таня Римская, и Ровный не вдруг сообразил, чего в ней не хватает.

Не хватало головы.

Голова валялась перед дверью, сорванная с шеи, вперив в Кирилла жуткие слепые глаза, на одном из которых сидела отвратительная мясная муха и мыла лапки.

Вместо крика с губ антиквара сорвался жалкий стон.

Сам не помня как, он добежал до кабинета, где царил хаос.

Сейф был раскрыт, и он был пуст.

В каком-то тупом оцепенении Ровный вдруг понял, что Артем никогда не называл домашний сейф сейфом, обзывая его жестянкой. Сейф – это всегда его личная депозитная ячейка в «Райффайзенбанке» или иное хранилище вне дома.

Он скользнул на кухню, стараясь не смотреть в растворенную дверь спальни. На кухне, в баре под заветной бутылкой из-под «Наполеона», которую дед-конструктор привез из Парижа, Артем имел привычку прятать важные записки. Чтобы не забыть что-либо.

И сейчас привычка не подвела.

Сложенная вчетверо тетрадная страничка с корявой петуховской надписью: «Фнл. вкзл. 27, 156723».

Камера хранения Финляндского вокзала, двадцать седьмая ячейка и код. Пыли вокруг не было, значит, бумажка совсем свежая. Бумажка перекочевала в брючный карман, а руки уже нашаривали мобильный.

– Алло! Милиция! Девушка! Угол Большого проспекта и улицы Бармалеева, дом 61, квартира 38. Чего я хочу?! Здесь убийство! Что?! Конечно, я уверен! Муж и жена, насмерть, вдребезги!

Да, потом была милиция. Точнее, полиция.

Кирилла взяли в крутой оборот, ибо молодому следователю показалось соблазнительным заподозрить в двойном убийстве именно его, Кирилла Ровного. В любом случае отвертеться от поездки в отделение не вышло бы ни в коем случае, да он и не пытался, слишком потрясенный увиденным.

Следователь убойного отдела майор Князев сидел за столом, что-то записывая в блокнот или настукивая клавиатуру компьютера. Майор был мелок и тощ, носил серую рубашку, очки и светло-русый ежик волос на голове. Облик ниже бюста был скрыт столом, так что интересующимся были видны лишь шифоновые туфли, что плясали нервически танцы. Интересующихся, впрочем, не сыскалось.

Вентилятор с прокуренными лопастями гонял воздух, за окном катались могучие полицейские перехватчики, а поверх майорской головы грозно и торжественно глядел портрет государя-президента.

– Итак, господин... э-э-э, Ровный, зачем вы сменили свою старую фамилию?

– Какое ваше дело?

– Вопросы здесь задаю я.

– Как вам будет угодно.

– Итак, фамилия?

– Что фамилия?

– Отвечайте на вопрос!

– Так вы задайте вопрос, я отвечу.

Шел третий час беседы. Еще два часа антиквар провел в провонявшей квартире, где хозяйничала оперативная группа. Было жарко, душно, и чувство юмора покинуло Кирилла, отчего тот сделался груб и язвитель.

Майор спрашивал обо всем на свете под аккомпанемент, который выдавала секретарша на компьютере.

– Расскажите мне еще раз, где вы были вчера ночью.

– Вчера ночью я пил коньяк с профессором А. В. Прокофьевым у него на квартире.

– Он может это подтвердить?

– Господи! Конечно, может, мы же пили вместе! Позвоните и поинтересуйтесь!

– Позвоним, не сомневайтесь. Господин Ровный, вы часто так проводите время?

– Не понял.

– Я имею в виду, вы часто принимаете алкоголь по ночам?

– Не ваше дело.

– Послушайте, господин Ровный! – проникновенно начал следователь, сложив руки перед собой. – Погибли два человека. Зверски убиты. В ваших интересах сотрудничать с нами, а не заниматься отговорками.

– Вы меня в чем-то подозреваете?

– Мы пытаемся установить обстоятельства дела.

– Обстоятельства? – удивленно поинтересовался Кирилл. – Я уже раз так восемь сказал, что обстоятельства таковы, что я вчера до двух часов ночи пил коньяк, что может подтвердить уважаемый человек! И что в это время я беседовал по телефону с Артемом, и он был жив и здоров.

– Господин Ровный, детали устанавливаются судмедэкспертом, но, скорее всего, убийство имело место между тремя и шестью утра. То есть теоретически можно предположить, что вы могли успеть от

Озерков до Петроградской. Дверь открыта, не взломана, значит, скорее всего, он открыл ее сам, кому-то, кого он знал. Вас он знал.

– Да Артем полгорода знал!

– Но с вами он вел дела...

– И что?! – взвился Ровный. – Я веду с ним дела с двухтысячного года! Я вообще очень много с кем веду дела! Если, не дай Бог, еще кого-нибудь шлепнут, тоже я буду виноват?!

– Тише, тише, – майор поднял ладонь, словно отгораживаясь. – Мы вас пока ни в чем не обвиняем.

– Слава создателю! – возликовав, Ровный всплеснул руками. – Тогда к чему эти расспросы? Я уже три часа с вами общаюсь – мне есть чем заняться, поверьте. Я ведь даже не свидетель!

– Кстати, о свидетелях, – следователь нахмурился. – Вам не кажется странным, что во всем доме никто ничего не слышал? Характер убийства подразумевает изрядный э-э-э...

шум. Дело было ночью – все дома, все спят, а тут такое! И никаких сигналов, ничего.

– У Петухова в квартире специальная звукоизоляция. Да и стены там такие, сами понимаете. Артем хвастался, что у него можно стрелять из пулемета, не потревожив соседей.

– Покойный стрелял дома?

– Мне об этом ничего не известно.

– У него было огнестрельное оружие?

– Ваши коллеги описывали обстановку. В кабинете железный шкаф – там дробовик «Бинелли», карабин СКС и, кажется, «Тигр» – все законно.

– А у вас оружие есть?

– А у меня оружия нет. Без надобности. Хотя, признаюсь, люблю ходить в пулевой тир и с армии неплохо стреляю.

– Позвольте еще раз поинтересоваться, господин Ровный... – майор забарабанил пальцами по столешнице. – Были у покойного враги? Быть может, что-то связанное с вашим совместным бизнесом?

– Не знаю, честно, – антиквар прижал руку к сердцу, чтобы показать, насколько он честен. – Петухов, конечно, куда более крупный дилер антиквариата, чем я, но... суммы, если вдуматься, смешные. Сейчас ведь, слава Богу, не девяностые, когда могли убить за двести долларов...

– Поверьте мне, сейчас убивают за немногим большие деньги, – сообщил майор мрачно. – Быть может, что-то, связанное с вашими текущими проектами, как вы думаете? Вам никто не угрожал? Не следил? Какие-либо странные звонки по телефону?

О странных звонках, да не по телефону, а прямо в дверь, Ровный мог кое-что рассказать. Но не стал. И о текущем проекте тоже решил отмолчаться.

– Поймите, я оказывал Артему консультационные услуги. На этом наше сотрудничество исчерпывалось в девяти случаях из десяти. Я – эксперт, оценщик и консультант довольно широкого профиля. Практически все, что связано с антиквариатом. В данный момент Артему потребовались некоторые сведения по исторической географии средневековой Европы.

Он задал вопрос, я ответил, он заплатил гонорар – все. В наших кругах не принято задавать лишних вопросов. Не знаю, чем он занимался в последнее время. Но уверен, что речь идет о перепродаже предметов на максимальную сумму тысяч в пятьдесят долларов при рентабельности процентов в двадцать-тридцать, не более. Разве это деньги, чтобы пойти на такой кошмар? Ведь его пытали?

Майор хмыкнул или даже скорее хрюкнул.

– Х-рм, – или иной звук подобного свойства. – Не уполномочен раскрывать детали.

– А все же? – уточнил антиквар.

Но майор идти на контакт отказался.

– Повторяю: не уполномочен, – полицейская рука прижалась к нагрудному карману. – Поймите, я не судмедэксперт, а они работу только начали. Что я вам расскажу, а главное, вам-то это зачем?

– Да вот как-то неуютно себя ощущаю после такого зрелища. Я по профессии подобное редко вижу, практически никогда – очень впечатляет, знаете ли!

По профессии майор был немного параноиком, поэтому сарказм насчет «редко вижу» сперва не оценил, подозрительно воззрившись на Ровного.

– Редко? Ага... шутить изволите, – он недовольно скривился. – Хотелось бы уточнить: вот это ваше замечание «в наших кругах не принято задавать вопросов» – это почему так? Вы же легально работаете, или?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ДМИТРИЙ
GOBLIN ПУЧКОВ

Тыну40k
Goblins

КАТЕГОРИЧЕСКИ
РЕКОМЕНДУЕТ

КЛИМ ЖУКОВ

ОПАСНЫЕ ЗЕМЛИ

18+

Примечания

1

Фальшион – тесак.

[Вернуться](#)